

A romantic couple in a close embrace against a dark, textured background. The man, on the left, has short brown hair and a light beard, wearing a grey button-down shirt that is open at the chest. The woman, on the right, has long brown hair with bangs and is wearing a grey tank top. They are looking at each other with soft expressions. The lighting is dramatic, highlighting their faces and the texture of their clothing.

Унна
ИНФИНИТИ

Смотри на
МЕНЯ

Инна Инфинити
Смотри на меня

«Литнет»

2026

Инфинити И.

Смотри на меня / И. Инфинити — «Литнет», 2026

— Сними это платье. — Что? — Ты в нем похожа на проститутку. Сними и надень другое. Нормальное. Пока я пребываю в шоке от услышанного, Артур уходит. Даже не знаю, что поразило меня больше: что в новом платье я, оказывается, как проститутка, или что это сказал парень моей лучшей подруги, с которым я почти не разговариваю. С Артуром Градовым у нас взаимная неприязнь. Я не люблю таких мажоров и хозяев жизни, как он. Но Артур встречается с моей подругой, поэтому мне приходится его терпеть. Все меняется одной ночью. Ночью, когда нас с Артуром похищают. Чтобы выжить, нам придется притворяться влюбленными. История Влады и Артура из книги «Мой сумасшедший новогодний Роман». Можно читать отдельно. Предупреждения автора: дарк роман, много жестких эмоциональных событий.

© Инфинити И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Платье	5
Глава 2. Не смотри на меня	7
Глава 3. Сестра	10
Глава 4. Нет больше подруги	12
Глава 5. Жить вместе	15
Глава 6. Парень из Красной книги	18
Глава 7. Слишком поздно	21
Глава 8. Беги	24
Глава 9. Цепи	26
Глава 10. Холод	29
Глава 11. Голубки	32
Глава 12. Потянуть время	34
Глава 13. Желтая карточка	37
Глава 14. Не смотри по сторонам	39
Глава 15. То, что видеть нельзя	41
Глава 16. Твоя Джульетта	43
Глава 17. Семья	44
Глава 18. Мотор	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Платье

Я наношу последний штрих — ярко-красную помаду — когда звучит неожиданный звонок в дверь моей квартиры. Встрепенувшись, смотрю на лучшую подругу Юлю. Я не жду никого в гости. Может, Юля кого-то позвала?

— Это Артур, — поясняет она, вскочив с кресла. — Вот блин, я не успела накраситься! — паникует. — Я в ванную, открой ему и скажи, что я занята!

Юля, схватив косметичку, выбегает из моей комнаты и через две секунды шелкает замком ванной. А я так и остаюсь стоять у зеркала, держа в руках красную помаду. Страх медленно расплзается под кожей. Я убираю помаду на туалетный столик, чувствуя, как сердцебиение учащается до такой степени, что шумит в ушах.

Звонок повторяется. Второй раз он прозвучал дольше первого. Через металлическую дверь и коридор прихожей я кожей чувствую нетерпение Артура там в подъезде.

Я не могу не открыть ему. Он парень моей лучшей подруги Юли. Она настолько сильно влюблена в него и настолько сильно боится потерять, что не показывается ему ненакрашенной. Даже спать с ним ложится при полном параде: с прической, макияжем и всегда в соблазнительном белье. А утром встает по будильнику на час раньше Артура, чтобы обновить макияж и прическу. Юля сама мне призналась в этом, сопроводив откровение классическим: «Мужчины любят глазами».

Меня пугает такая маниакальная привязанность подруги к парню, но что я могу сделать?

Когда раздастся третий, очень долгий, звонок в дверь, я иду открывать, мысленно ругаясь на Юлю за то, что велела Артуру подняться в мою квартиру, не предупредив об этом меня. Хотя что я бы сделала? Запретила бы Юле приглашать ее парня? Конечно, нет. Но точно поторопила бы подругу с макияжем, чтобы не оставаться с ее Артуром наедине.

Ладно, отправлю его ждать Юлю на кухню.

Поворачиваю замок в двери и открываю.

— Привет, — говорю и отступаю на шаг.

— При...

Артур резко замолкает, не договорив слово «Привет». Он замирает на пороге квартиры и не шевелится, глядя на меня. Его темно-голубые глаза вцепились в меня так сильно, что я тоже не могу пошевелиться. Артур прилично выше меня, почти на целую голову. Он бывший хоккеист. От профессионального занятия хоккеем у него осталась грудa мышц, которые сейчас окаменели. По крайней мере мне так кажется через его белую рубашку на груди. Она не вздымается, словно Артур перестал дышать.

Мы молчим, просто тупо глядя друг на друга. Артур не переступил порог квартиры, оставшись в подъезде. Его взгляд без стеснения гуляет по мне, и я вдруг начинаю чувствовать себя крайне нелепо в этом коротком черном платье. Оно красивое, но...

Оно слишком. Слишком откровенное, слишком притягивающее к себе внимание, слишком порочное.

А еще мой макияж. Слишком яркий, слишком вызывающий. И эта красная помада... Зря я накрасила ей губы.

Но мы ведь в ночной клуб собираемся. А как еще туда одеваться?

Взгляд Артура почти осязаем. Я чувствую, как он трогает мои завитые в локоны темные волосы. Чувствую, как очерчивает линию моих губ с толстым слоем помады. Чувствую, как медленно ведет вниз по шее. Когда его взгляд касается груди, обтянутой корсетом, я понимаю, что это нужно срочно прекращать.

— Проходи, Юля в ванной, подожди ее на кухне. Кухня там, — показываю пальцем вправо. Артур впервые в моей квартире, но, надеюсь, не заблудится и верно найдет кухню. У

меня не хоромы, как у него на Рублевке, а обычная трешка в серой девятиэтажке, доставшаяся мне после смерти родителей.

Я разворачиваюсь и быстро ухожу в свою комнату, закрыв за собой дверь. Приваливаюсь к ней спиной и перевожу дыхание. Сердце больно колотится о рёбра и почти выпрыгивает из груди. По позвоночнику под корсетом платья стекает горячая капля пота.

Я отрываюсь от дверного полотна и на ватных ногах дохожу до туалетного столика с зеркалом. Пытаюсь посмотреть на себя глазами Артура. Ну да, я накружилась ярче обычного. Вернее, обычно я вообще не красжусь. Но сегодня мы идем в ночной клуб, поэтому Юля сделала мне вечерний макияж. Она красиво выделила мне глаза. Также у меня подчеркнуты скулы с помощью коричневых румян и хайлайтера. Красная помада была моей инициативой, о чем я уже жалею. Просто мне идет красный цвет губ, а в повседневной жизни не будешь ходить с ним каждый день. Поход в клуб — чем не повод накружить губы красным?

Я рвано выдыхаю и вытираю о платье вспотевшие ладони. С Артуром у нас взаимная неприязнь. Он недолюбливает меня, а я его. Мне не нравится, что Юля влюбилась в него так сильно, что потеряла себя. Юля была абсолютно нормальной девчонкой, пока не встретила Артура Градова. Теперь ее как подменили. Во-первых, мы почти перестали видеться, потому что все свободное время Юля проводит со своим парнем. А во-вторых, в те редкие наши встречи Юля, не замолкая, говорит о своем возлюбленном.

У меня уже глаз дергается от имени Артур.

Градов тоже меня недолюбливает. Причин его неприязни ко мне я не знаю. Но сердцем и кожей чувствую: я ему не нравлюсь. Может, ревнует Юлю ко мне, хотя я ему ну вообще не конкурентка. Юля всегда предпочтет встречу с Артуром встрече со мной. Да кто вообще знает, что у этих мажоров на уме? Для меня это люди с другой планеты.

Дверь в мою комнату внезапно распаивается. Без стука, без предупреждения. Я аж подпрыгиваю от неожиданности. На пороге стоит...

Градов.

Снова смотрит на меня, а я на него. Между нами несколько метров, но я чувствую его мощную энергетику даже через это расстояние. Он давит меня ею.

Ноги резко слабеют, комната начинает кружиться. Я ненавижу свое тело за то, что в присутствии Градова оно выдает такие реакции. Мозгом приказываю телу перестать трястись, но ни черта не выходит.

— Сними это платье.

Тихие слова Артура рассекают воздух, как лезвие.

— Что? — не понимаю.

— Ты в нем похожа на шлюху. А тебе не идет быть шлюхой. Сними и надень другое. Нормальное.

Пока я пребываю в шоке от услышанного, Артур уходит.

Глава 2. Не смотри на меня

Я стою в оцепенении до тех пор, пока не щелкает замок ванной, и Юля не выбегает с визгом:

— Артур!

Я словно через стены вижу, как подруга виснет у него на шее. В следующую секунду слышу причмокивающий звук их поцелуя.

Вздвогнув, снова смотрю на себя в зеркало. Я что, правда похожа на шлюху? Да, я одета нетипично для себя, обычно я одеваюсь гораздо скромнее, но в клубах все девушки выглядят так, как я сейчас. А платье мне правда нравится. Оно новое, я купила его специально для этого похода в клуб. Короткое, открывает мои длинные стройные ноги. Обтягивает фигуру. Корсет подчеркивает грудь. И мне идет черный цвет.

«Ты в нем похожа на шлюху», звенит в ушах.

Это вообще нормально, что парень моей подруги, с которым я почти не общаюсь, говорит мне подобные вещи?!

— Влада, ты готова? — звучит из коридора громкий голос Юли. — Идем?

Я стою в растерянности и не знаю, что ответить. Я должна переодеться? Еще раз оглядываю себя в зеркале. Я разрываюсь между желанием снять платье и остаться в нем.

Почему Артур сказал мне это?

А может, он прав, и я действительно выгляжу, как шлюха?

Тогда следует переодеться. Я не хочу, чтобы меня считали шлюхой.

— Минутку! — кричу подруге.

Подбегаю к шкафу, распахиваю его и оглядываю содержимое. Одежда висит на вешалках очень плотно друг к другу, как селедка в бочке. Когда-нибудь у меня будет достаточно денег, чтобы сделать ремонт в этой квартире. Я обязательно оборудую себе отдельную гардеробную, где каждое платье, каждая кофточка будет висеть на отдельной вешалке, и вещи не будут соприкасаться друг с другом. Ну а пока у меня обычны маленький шкаф, в который все набито так, что вещи вечно помятые.

Я достаю одну вешалку. Снимаю с нее водолазку, затем блузку, следом футболку и наконец-то добираюсь до платья. Оно далеко не самое новое, я была в нем на школьном выпускном. Синего цвета и до колена. На груди небольшой V-образный вырез, рукава закрывают плечи. Очень скромное платье, как и полагается отличнице с золотой медалью.

Но оно такое мягкое... Придется гладить.

Кладу платье на кровать, беру из мебельной стенки утюг и включаю в розетку.

— Влада, ты скоро? — звучит за дверью моей комнаты голос Юли. Затем она опускает ручку и просовывает голову. — Что ты делаешь?

— Эм, я решила переодеться. Мне нужно погладить платье.

Я хочу провалиться сквозь землю, потому что Артур в коридоре, естественно, слышит мои слова.

— Переодеться!? Ты с ума сошла? Мы опаздываем!

— Мне нужно буквально пять минут.

Юля недовольно цокает и закрывает в мою комнату дверь.

— Она решила переодеться! — возмущенно жалуется своему парню. — Когда нам надо выходить, она вдруг решила переодеться!

Я стискиваю зубы. Чувствую себя полнейшей дурой. Почему я вообще слушаю Артура? Кто он такой, чтобы после его комментариев я меняла собственные планы? Я же хотела пойти в клуб в новом черном платье. Так какого фига я старательно наглаживаю старое со школьного выпускного?

Да мало ли что Артур сказал! Он мне никто!

Со злостью выдергиваю уют из розетки и оставляю его на полу. Нет, я не буду переодеваться. Я пойду в том платье, в котором хотела. Мы с Артуром даже не друзья, чтобы я его слушала.

Снимаю со спинки стула маленькую сумочку на длинном ремешке. Кладу в нее мобильный телефон и красную губную помаду. Проверяю наличие паспорта в кармашке с замочком. А то еще не пустят, приняв за несовершеннолетнюю. Так-то мне девятнадцать лет, но на кассе в супермаркете всегда просят показать удостоверение личности, когда покупаю алкоголь.

Выхожу из комнаты с гордо поднятой головой.

— Ты же хотела переодеться! — восклицает Юля.

— Я передумала.

Подруга фыркает.

Я нарочито не смотрю на Артура. Но чувствую на себе его тяжелый взгляд. Господи, с его взглядом на меня как будто бетонная плита легла. Я снимаю с крючка бежевый плащ, надеваю его. Когда застегиваю пуговицы, вдруг понимаю, что у меня подрагивают пальцы. Потому что Артур ни на секунду не перестает смотреть на меня. Он стоит чуть позади Юли, поэтому она не видит, что взгляд ее парня обращен на меня.

Мне хочется повернуться к Артуру и закричать: «Не смотри на меня!». А потом еще раз добавить: «Не смотри! Не смотри! Не смотри!».

Но вместо этого я натянулась струной под его взглядом, который весит тонну. Ремень на плаще застегиваю, почти истерично, потому что пальцы плохо слушаются.

— Ой, у тебя плащ чуть длиннее платье, но все равно короткий. Поэтому создается ощущение, что у тебя под плащом ничего нет. Прикольно.

Насмешливый комментарий Юли провоцирует взрыв искр в воздухе. От них кожа горит. Мне кажется, или я действительно слышу злое дыхание Артура?

Засовываю ноги в туфли на шпильках. Теперь я достаю Градову примерно до переносицы. Так я ощущаю себя чуть лучше. Как будто бы я почти на равных с ним.

Нужно прогнать из головы эти мысли. Вообще любые мысли о парне моей подруги.

— Можем идти, — объявляю.

Я шагаю мимо Юли и Артура и первой выхожу из квартиры. Когда они проходят мимо меня и вызывают лифт, поворачиваюсь к ним спиной, чтобы закрыть квартиру. В подъезде больше пространства, я чувствую себя значительно лучше, чем минуту назад в прихожей. Там я ощущала себя как в тисках. Артур давил на меня — своим взглядом, своей энергетикой, своими мыслями.

Не знаю, почему, но у меня ощущение, что я читаю его мысли. А именно, мысли о том, что я похожа на шлюху.

Теперь мне предстоит новое испытание — поездка на первый этаж в тесной кабинке лифта. Я встаю в самый угол и смотрю ровно под ноги. Но не на свои ноги, а на ноги Артура. «Prada», красуется лейбл на его серых кроссовках. Выше идут темно-синие джинсы. Я осмеливаюсь поднять взгляд еще выше.

К его паху.

При виде заметного бугра меня охватывает смесь смущения и стыда, а в горле резко пересыхает. Юля что-то говорит своему парню, но я не слышу. Потому что у меня аж в ушах зазвенело.

На кого у Артура стоит член? На меня или на Юлю?

Ну конечно, на Юлю! Она же его девушка.

Боже, что за мысли в моей голове. Как от них избавиться?

Я мажу взглядом по пряжке ремня «Gucci», по белой полоске рубашки и краям черной куртки. И только после этого опускаю взгляд к собственным ногам — обычным лаковым

лодочкам черного цвета, купленным в торговом центре возле метро за пять тысяч рублей на распродаже. Для меня и это дорого.

Когда выходим из подъезда, в лицо сразу бьет свежий апрельский ветерок. Еще холодно, но в воздухе уже повсюду пахнет весной, и почти исчезла грязь под ногами. Я обхватываю себя за плечи, потому что до машины Артура — какого-то крутого «Лексуса» — идти метров сто. Он припарковался в конце двора.

Юля без умолку что-то рассказывает своему парню, он ей отвечает, и я безумно рада этой передышке, медленно плетясь позади них. Когда подходим к машине, Юля садится на переднее пассажирское сиденье, а я назад. В салоне темно и тепло. Я приваливаюсь виском к окну, надеясь спокойно доехать до клуба под тихую музыку и болтовню подруги.

Но не тут-то было. Взгляд темно-голубых глаз в зеркале заднего вида обращается на меня, кажется, чаще, чем на дорогу. И снова эта дурацкая дрожь по телу, это сумасшедшее волнение и адреналин, который течет по венам вместо крови. Я чувствую, как Артур касается меня глазами — моего лица, волос, ног, губ. Он трогает всю меня. Бесстыже лапает, как будто в полуметре от него не сидит его девушка.

Я срываюсь. Потому что так дальше не может продолжаться.

Я перехватываю взгляд Артура в зеркале и четко шепчу ему губами:

«НЕ СМОТРИ НА МЕНЯ».

Глава 3. Сестра

Артур повинуется моему требованию. Он перестает смотреть на меня. Я с облегчением перевожу дыхание, как будто пробежала стометровку.

Я должна сообщить Юле о том, что ее парень как-то странно на меня смотрит?

Совість подсказывает мне, что должна. А здравый смысл вопит: «Ни в коем случае!». Юля ревнует Артура к каждому столбу. Пожалуй, единственная девушка на этой планете, к которой Юля не ревнует своего парня, это я. Не потому что считает меня некрасивой или недостаточно привлекательной, а потому что всецело доверяет мне, как себе самой.

Мы с Юлей как сестры. С самого детства мы живем по соседству. Наши мамы ходили вместе на прогулки, когда мы с Юлей лежали в колясках с сосками во рту. Потом мы с Юлей пошли в одну группу детского сада и сразу стали подругами. Наши мамы тоже продолжали дружить, наши папы были в прекрасных приятельских отношениях. После детского сада нас с Юлей отдали в один класс в школе.

Мы все время были вместе. Везде. Лучшие подруги, которых учителя рассадили по разным рядам, чтобы не разговаривали и не хихикали на уроках. Но даже так мы с Юлей находили способ общаться на скучных предметах: передавали друг другу записочки через одноклассников.

Одну из таких записок в седьмом классе перехватила учительница географии. Старая вредная тетка, которая считала свой предмет самым важным в школьной программе. Она выхватила записку из руки одноклассницы и зачитала вслух мое послание Юле:

«А мне больше Андрей нравится».

Так мой одноклассник Андрей узнал, что я питаю к нему симпатию. А вместе с ним и весь класс, включая прихлебателей Андрея. Мне устроили самую настоящую травлю. Андрей смеялся надо мной, отпускал тупые шуточки в мой адрес. Называл страшной лошадкой и говорил, что лучше поцелуется с жабой, чем со мной. Я впервые в жизни столкнулась с жестоким буллингом и находилась в полной растерянности, не зная, что делать и как с этим справиться.

Однажды после очередного унижения со стороны Андрея Юля подошла к нему и со всей силы дала по голове своей тяжелой сумкой с учебниками. Андрей упал и потерял сознание. Ему констатировали сотрясение мозга. Его родители подняли скандал на всю школу, требовали, чтобы Юлю отчислили. Ее несколько раз в присутствии родителей вызывали в кабинет директора и заставляли извиниться перед Андреем, а Юля вместо извинений показала ему средний палец. При директоре, при своих и его родителях.

Тот скандал в итоге удалось как-то замять с помощью денег. Но зато Андрей и его дружки перестали надо мной смеяться. Вообще все перестали. Конечно, отчасти я сама виновата в той ситуации, что написала такое в записке Юле и передала через одноклассников. Кто угодно из них мог развернуть записку и прочесть.

А когда мне было четырнадцать лет, мои родители погибли. У них была годовщина свадьбы, они планировали отметить ее поездкой на выходные в спа-отель. Я осталась дома одна, ко мне пришла с ночевкой Юля. Я радовалась, что родители уехали на все выходные. Мы с Юлей устроили пижамную вечеринку: делали маски для лица, красили ногти, ели пиццу и смотрели сериал.

А утром зазвонил домашний телефон, и на том конце провода сообщили, что мои родители погибли по дороге в спа-отель. Папа ехал по подмосковной трассе на высокой скорости, у него лопнуло колесо, и машина начала переворачиваться. Погибли мои родители и водитель автомобиля, с которым они столкнулись.

Я плохо помню, что было потом. От стресса и нервов у меня произошел провал в памяти. Знаю, что организацию похорон полностью взяли на себя родители Юли. Но сами похороны,

прощание с родителями не помню совершенно. В голове сохранился только один фрагмент — как два гроба опускали в общую широкую яму. Больше ничего не помню.

Я осталась одна. Совсем. Из ближайших родственников в Москве только папина двоюродная сестра, но у нее есть своя семья, к тому же папа не так уж близко с ней общался. Все остальные родственники живут в других городах, и связь с ними у родителей тоже была не очень тесной.

Я должна была отправиться в детский дом. Но родители Юли оформили надо мной опеку и забрали жить к себе. Хотя им это было не очень удобно. У них небольшая трехкомнатная квартира: две изолированные комнаты и проходной зал. Тесная кухня шесть метров. А у Юли еще есть младший брат, поэтому я ну точно была лишней в их квартире.

Но родители подруги — тетя Вера и дядя Коля — несмотря на собственные неудобства, все равно не допустили, чтобы меня забрали в детский дом. Я стала жить у них, вместе с Юлей в ее комнате. Мы спали на одной кровати. Ее брат во второй комнате, а тетя Вера и дядя Коля в зале на диване.

Я прожила с Юлиной семьей четыре года, пока мне не исполнилось восемнадцать. На протяжении всех четырех лет родители подруги содержали меня, кормили, одевали, обували и ни разу не сказали мне плохого слова. Деньги, которое государство платило им как опекунам, они отдавали мне на карманные расходы. Раз в год они всей семьей ездили на море и брали с собой меня.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я изъявила желание переехать в свою квартиру, оставшуюся после гибели родителей. Тетя Вера и дядя Коля удивились и не захотели меня отпускать. Настаивали, чтобы я жила у них, пока не окончу институт и не устроюсь на работу. Но я отказалась. Я не хотела больше их стеснять, хотя ни разу ни словом, ни намеком никто не дал мне понять, что я мешаю их семье. Я собрала вещи и вернулась в свою квартиру через несколько домов от Юлиной семьи.

Сейчас я учусь на втором курсе экономического факультета, а после учебы подрабатываю официанткой в японском ресторане. У меня график два через два. Часовых хватает, чтобы скромно прожить месяц и совсем немножко отложить на черный день. Юлины родители продолжают присматривать за мной. Ее мама приходит пару раз в неделю с кастрюлями борща и контейнерами котлет.

— Ты учишься и работаешь. Когда тебе готовить? — говорит тетя Вера каждый раз, когда я вяло протестую.

Юля не просто моя лучшая подруга. Я на полном серьезе считаю ее своей сестрой. У меня нет никого ближе Юли и ее семьи. Если бы не тетя Вера и дядя Коля, то после похорон родителей я бы прямиком отправилась в детский дом, и неизвестно, что бы со мной стало. Семья Юли — это теперь моя семья тоже.

Поэтому я не хочу, не хочу, не хочу, чтобы ее парень ТАК на меня смотрел!

Глава 4. Нет больше подруги

Через двадцать минут Артур тормозит у пафосного ночного клуба в центре Москвы. У входа толпятся люди, в ожидании когда их пропустит секьюрити. Громкие басы из заведения доносятся аж сюда. Мы выходим из машины. Юля сразу берет Артура под руку и прижимается к нему. Я иду позади них, поэтому могу закатить глаза, не боясь, что Юля увидит и обидится.

Я должна констатировать факт. Мне больно это признавать, но от правды не скрыться. Я потеряла Юлю в тот день, когда она влюбилась в Артура. Всё. Нет больше моей лучшей подруги, с которой я могла болтать до утра, ходить по магазинам и кафе, смотреть вместе фильмы и сериалы. Юля готова уделить мне время, только когда у нее нет никаких совместных планов с Артуром. Это примерно раз в месяц, не чаще.

Я уже сотню раз прокляла тот октябрьский день, когда потащила Юлю в бар, в котором она познакомилась с Градовым.

Мы с Юлей обедали после занятий в институте. За соседним столом сидел Артур со своим другом. Мы сразу обратили внимание, что мальчики поглядывают в нашу сторону. Туда-сюда, они подсели к нам. И на меня прямо сходу набросился друг Артура, его звали Костя. Нет, я, конечно, понимаю, что мужчина должен быть настойчив, но не до такой же степени. Через пять минут он уже просил у меня номер телефона и мой адрес, предлагал отвезти меня домой на машине. Я, блин, не знала, куда себя деть.

За нашим столом разговаривали только я и Костя. Артур молчал или тыкал в телефон. А Костя не затыкался и все расспрашивал про меня. Где-то минут через десять Артур завязал беседу с Юлей. Мне показалось, что он сделал это из вежливости. Потому что Костя и я разговаривали, а он и Юля молчали.

Еще минут через пять я окончательно устала от Кости и под надуманным предлогом отправилась домой. Мне еще пришлось раз двадцать сказать Косте, что меня не надо отвозить.

Поздним вечером того же дня мне позвонила Юля и рассказала, что Костя ушел сразу после меня, и она осталась с Артуром вдвоем знакомиться дальше. Они вели светскую беседу ни о чем. Артур не приставал, не делал никаких намеков. Юля сама попросила у него номер телефона, а потом написала с предложением встретиться. Артур согласился.

У Юли звенел голос от радости и восторга, поэтому я не стала говорить ей, что как-то не комильфо первой писать парню и приглашать его на свидание. Да и какая разница кто кому написал первым, если в итоге все счастливы?

Но с тех пор у меня больше нет лучшей подруги. Юля всецело принадлежит только Артуру. Он у нее на первом месте, потом идут все остальные. Я телепаюсь где-то там после родителей и брата. Мы живем через три дома друг от друга, а видимся вне стен института хорошо если раз в месяц. Потому что все свободное время Юля проводит с Градовым.

Мы приближаемся ко входу в клуб. Артура тут знают, поэтому секьюрити — мужчина размером со шкаф — опускает красную ленту и пропускает нас без очереди. Юля ослабляет хватку на руке своего парня и делает шаг назад ко мне.

— Тут будет друг Артура, — шепчет мне на ухо. — Женя зовут. Обрати на него внимание.

Я даже не скрываю тяжелый вздох. У Юли есть мечта — чтобы я начала встречаться с каким-нибудь другом Артура, и мы стали дружить парами.

— Главное, чтобы надоедливого Кости не было.

— Его не будет. Артур, кстати, больше не общается с ним.

На секунду мне становится любопытно, почему Градов перестал общаться с Костей, но потом я решаю, что плевать. К тому же мы переступаем порог клуба, музыка в котором сразу

оглушает. Здесь темно. Я жду несколько секунд, пока привыкнут глаза. Мы подходим к гардеробу, я снимаю плащ. Затем двигаемся дальше.

На танцполе творится настоящая вакханалия. Мы протискиваемся сквозь сумасшедшую толпу. У Артура в этом клубе собственная ложа на втором этаже. Так сказала Юля.

Я не очень люблю ночные клубы, хотя танцы — это моя страсть. Я занималась спортивными, пока не погибли родители. Сейчас несколько раз в неделю посещаю танцевальную студию у дома. Но это больше как хобби. Ночные клубы типа этого скорее доставляют дискомфорт. Ты хочешь спокойно потанцевать, а к тебе постоянно пристраивается сзади какой-нибудь мужик. Я согласилась на этот поход в клуб только ради того, чтобы немного побыть с Юлей и пообщаться с ней. Мы не виделись за пределами института с ее дня рождения десятого марта. Сегодня девятнадцатое апреля.

Наконец-то мы доходим до лестницы на второй этаж. Пока шли, со мной несколько раз попытались познакомиться. Один мужик пьянее другого.

В ложе я наконец-то перевожу дыхание. Она полностью под стеклом, поэтому здесь можно разговаривать друг с другом. Музыка слышна, но не настолько, чтобы оглушать. На диванах и креслах уже сидят знакомые лица — друзья Артура. Демид с Ульяной, Олег, Святослав. Я машу им рукой, после того, как они приветствуют Градова. Я познакомилась с ребятами на новогодних праздниках, когда мы вместе летали в Сочи на самолете Артура.

Да, у Градова есть свой собственный самолет. У него отец депутат Госдумы. Заработал на бизнес-джет, принимая законы во благо российских граждан.

Я сажусь на черный кожаный диван рядом с Ульяной. Она сразу подает мне бокал шампанского. Артур с Юлей садятся на диван напротив. Нас разделяет длинный стол со стаканами алкоголя и закусками.

Я стараюсь включиться в разговор с Ульяной. Она рассказывает об их с Демидом предстоящей поездке в Париж на майские праздники.

— Я была в Париже два года назад! Я абсолютно влюблена в этот город! Я так счастлива, что Демид подарил мне эту поездку!

Я никогда не была в Париже и вообще за границей, но киваю с умным видом.

Бокал шампанского в руках начинает трястись, когда я снова чувствую на себе взгляд Артура. Он блуждает глазами по моим ногам. Они слишком открыты в этом коротком платье. Я кладу на колени сумочку, но она настолько миниатюрная, что не спасает.

Слушать восторги Ульяны о Париже становится все сложнее. Я изо всех стараюсь не повернуть голову на взгляд Артура. Но он буквально прожигает меня им. Я залпом осушаю бокал шампанского, но делаю только хуже. Алкоголь моментально бьет в голову, меня слегка ведет. Я теряю над собой контроль и поворачиваюсь к парню своей подруги.

Меня моментально обжигает лед его темно-голубых глаз. Артур сидит в расслабленной позе, широко расставив ноги. Я хочу снова отвернуться, но меня будто парализовало. Напряжение сковало все мышцы.

Зачем Артур это делает? Что он от меня хочет? Мы ведь не общаемся даже. Да мы и виделись-то всего несколько раз.

Первый раз в октябре, когда познакомились в баре. Второй раз в новогоднюю ночь у его друга Ромы Самохина. Юля предложила мне отметить Новый год там, и я согласилась, потому что больше мне было не с кем. Потом у нас было это путешествие в Сочи на самолете Артура. Там мы неделю жили в коттедже, но тоже почти не общались. Хотя именно в Сочи я и заметила, что Артур как-то странно на меня поглядывает. Но тогда я не придавала этому значения, подумав, что мне мерещится.

Из Сочи мы вернулись десятого января, и в следующий раз я встретила с Артуром десятого марта на дне рождения Юли. Там я поняла, что мне не мерещится. Артур действительно на меня смотрит. Тогда же мне впервые стало не по себе от его взглядов. Тело стало выдавать

странные реакции. А еще появилось перманентное желание провалиться сквозь землю или закутаться с головы до ног. Что угодно — лишь бы Артур меня не видел.

И вот сегодня. Градов впервые позволил себе такую наглость — сказать, что я как-то не так одета. А теперь пока Юля печатает в телефоне, Артур снова не спускает глаз с меня. Делает это абсолютно нагло. Как будто у него есть право так смотреть на подругу своей девушки.

Ситуацию спасает появление еще одних друзей Артура — Ромы Самохина и его девушки Киры. Вместе с ними в ложу поднимается незнакомый мне парень. Наверное, это и есть тот самый Женя, про которого говорила Юля.

Хм, а он симпатичный.

Глава 5. Жить вместе

Я встаю с дивана, чтобы поприветствовать Киру. Мы очень крепко обнимаемся, как будто не виделись целую вечность, хотя на самом деле всего два дня. Позавчера мы ходили в кино на премьеру громкого фильма, а потом сидели в кафе.

— Ты просто потрясно выглядишь! — Кира оглядывает меня с головы до ног. — Девушка-вамп!

Комплимент от подруги вгоняет меня в краску.

— Спасибо. И у тебя замечательный лук!

Кира гладко выпрямила свои длинные темно-русые волосы. На ней красное короткое платье. Такое же короткое, как мое чёрное.

— Тебе очень идет черный цвет!

— А я в нем не как шлюха? — спрашиваю, склонившись к уху Киры.

— Что!? — восклицает. — Какой дебил тебе это сказал?

— Нет-нет, никто не сказал. Просто я сама немного переживаю, оно такое короткое.

— У тебя охрененные ноги. Прятать их — настоящее преступление.

Меня немного отпускает. Кира права, мне идет это платье. Я не должна слушать Артура. Хрен его знает, что у него в голове и почему он решил сказать мне это.

Мы с Кирой познакомились на Новый год дома у Ромы Самохина. Они тогда еще не встречались. Потом Кира отправилась с нами в Сочи, и там мы сдружились окончательно. Также в Сочи у Киры и Ромы завязался роман. Их отношениям почти четыре месяца.

— Девочки, — к нам подходит Юля. Да неужели она оторвалась от своего Артура. Но это только потому, что пришел Рома, а они с Градовым большие друзья. — Не хотите сходить в туалет?

Мне не надо в туалет, но я использую любую возможность, чтобы побыть рядом с Юлей.

— Да, пойдём.

Кира пожимает плечами.

— Давайте.

Мы выходим из ложи и спускаемся вниз по металлической лестнице. С каждым нашим шагом музыка становится громче.

— Короче, я спросила у Артура про Женю, — Юля склоняется ко мне. — У него есть девушка. Только непонятно, почему пришел без нее.

Я пожимаю плечами. Я бросила на Женю лишь мимолетный взгляд, парень показался мне симпатичным. Потом меня увлекла разговором Кира, и я про этого Женю вообще забыла. К тому же, пожалуй, мне следует держаться подальше от друзей Артура, несмотря на мечту Юли свести меня с одним из них. Если я буду встречаться с другом Градова, то и самого Артура буду видеть гораздо чаще. А мне бы не хотелось.

В туалете я смотрюсь в зеркало. Еще раз пытаюсь взглянуть на себя глазами Артура. И, честно, не понимаю, почему он сравнил меня с проституткой. Да, я одета ярко и броско, но мой внешний вид не имеет никакого отношения к женщинам древнейшей профессии. Может быть, в представлении Артура, любая девушка, которая носит платья и юбки длины мини, — шлюхи? Но так и Юля не в платье в пол одета. На моей лучшей подруге кожаный топ и кожаная юбка, которая длиннее моего платья всего на пару сантиметров.

Из кабинки выходит Юля и становится рядом со мной, чтобы помыть руки.

— Я хочу прикупить что-нибудь к лету, — говорю подруге. — Пройдешься со мной по магазинам в следующую субботу?

— Я еще не знаю, какие у нас с Артуром планы на следующую субботу.

— Тогда можно в воскресенье.

— На воскресенье тоже пока не знаю, какие у нас планы.

Юля закрывает кран и идет к стене высушить руки. Я стою на месте и сражаюсь с внутренней бурей.

Из кабинки выходит Кира. Становится на место Юли и тоже моет руки.

— Я хочу прикупить что-нибудь к лету, — говорю ей. — Пройдешься со мной по магазинам в следующую субботу?

— Да, давай! — моментально соглашается. — Также себе что-нибудь посмотрю.

— А у вас с Ромой нет никаких планов на следующую субботу?

— Нет.

— А если появятся?

— Уже не появятся, я ведь с тобой договорилась.

У меня выступают слезы на глазах. Почему Юля не может быть, как Кира? Почему, начав встречаться с Артуром, Юля забыла про всех остальных людей вокруг нее? Мы ведь тоже ее любим. И она когда-то любила нас.

— Ну, раз с тобой я договорилась на субботу, значит, в воскресенье я буду перевозить свои вещи к Роме, — Кира многозначительно смотрит на меня в зеркало. Выключает воду и отряхивает в раковину капли с рук.

К нам подходит Юля, но в данную секунду я не замечаю лучшую подругу.

— Подожди, что!? Вы с Ромой съезжаетесь!?

Кира загадочно улыбается.

Я начинаю визжать и прыгать от радости. Бросаюсь обнять Киру.

— Я поздравляю вас! Как вы решили?

— Рома предложил мне сегодня, когда мы собирались сюда к вам. Я хотела накрутить волосы, но забыла плойку у себя дома. Я ругалась и сокрушалась, а Рома сказал: «Если бы ты жила у меня, и все твои вещи были тут, то ты бы ничего не забыла». В общем, мы съезжаемся!

Я еще раз визжу и прыгаю от радости. И не замечаю, что Юля стоит с нами и даже не улыбается.

— Это супер новость! — восклицаю.

У Киры звонит телефон в сумочке. Она отвлекается от меня, чтобы достать мобильник.

— Алло... Я с девочками в туалете... Все нормально... Да, хорошо... Сейчас приду.

Кира отбивает звонок.

— Рома потерял меня. Ну что, пойдете?

Я не успеваю сказать «Да». Юля хватается за руку.

— Мы с Владой еще задержимся в туалете.

Кира и Юля не очень симпатизируют друг другу. Но сейчас моя лучшая подруга определенно перегибает палку. Ей ничего не стоило улыбнуться и поздравить Киру с тем, что они с Ромой решили съехаться. В конце концов, Рома — ближайший друг Артура. А Юля стоит с таким лицом, как будто пришла на похороны.

— Хорошо, еще увидимся, девочки.

Кира уходит, а Юля резко разворачивает меня к себе.

— Что на тебя нашло? — первой начинаю. — Тебе сложно было сказать дежурное поздравление? Кира ничего плохого тебе не сделала. А Рома...

Я резко замолкаю, не успев договорить: «А Рома друг Артура». Глаза Юли стремительно наливаются слезами.

— Артур не хочет со мной жить!

Хоспаде. Я уже подумала, будто что-то важное случилось.

— Так вы только недавно вместе.

— Мы вместе дольше, чем Рома и Кира!

— Всего на пару месяцев.

— И что? Они, вон, уже съезжаются, а Артур даже не заикается об этом. А когда я начинаю разговор издали, он резко пресекает.

— Так вы и так все время вместе, зачем вам еще жить?

Честное слово, я упорно не могу понять Юлину проблему. И, вообще-то, я бы предпочла вернуться в ложу, чем стоять в туалете, который похож на проходной двор.

— Мы не все время вместе. А еще я стала замечать, что Артур как будто специально иногда не хочет со мной встретиться.

Я закатываю глаза.

— Юль, у тебя паранойя. Давай вернемся наверх? Там же твой Артурчик без тебя. А вдруг его кто-нибудь соблазнит?

— Не паясничай! — срывается на истеричный крик. — Я с тобой делюсь как с лучшей подругой, а ты надо мной смеешься.

Вздыхаю. Небывалое дело — Юля не мчится бегом к Градову, а делится со мной переживаниями.

— Я не знаю, что тебе сказать, Юль. Жить вместе — это очень серьезный шаг. Каждому человеку требуется разное время, чтобы прийти к нему. Возможно, Артуру требуется больше времени. Я не вижу в этом проблемы. Если б вы десять лет встречались и он не хотел — другое дело. Но вы всего полгода вместе.

Юля молчит, скрестив на груди руки. Смотрит куда-то в сторону. О чем-то напряженно думает.

— Вернемся к ребятам? — спрашиваю нетерпеливо.

Юля переводит внимательный взгляд на меня.

— Нужно брать все в свои руки, — вдруг заявляет. — От этих мужиков никогда ничего не дождешься.

— Ты о чем?

В груди шевелится неприятное предчувствие. Что Юля задумала?

— Дай мне свою сережку, — вдруг говорит.

Машинально тяну ладонь к мочке уха. Я надела длинные гвоздики. Это были мамины любимые серьги.

— Зачем?

— Дай, говорю.

— Юля, что ты задумала?

— Дай мне чертову серьгу! — взрывается истеричным криком на весь туалет. На нас удивленно оборачиваются другие девушки.

Чтобы не злить Юлю дальше, поспешно вытаскиваю из уха гвоздик. Протягиваю подруге, но она не берет, потому что полезла зачем-то в свою сумочку. Через пару секунд достает оттуда пачку презервативов.

— Юля, что ты задумала!? — ужасаюсь я.

— Проколю их все нахрен. Меня достало ждать, когда Артур решится на следующий шаг.

Глава 6. Парень из Красной книги

— Юля, ты в своем уме!?

Я не могу поверить, что она это серьезно. Смотрю на подругу во все глаза. Да что с ней такое? Она же была абсолютно нормальной девчонкой. Когда она успела так повернуться на мужике? А главное — почему?

— Абсолютно. Раз Артур не шевелится, я вынуждена взять все в свои руки.

Юля замахивается моей сережкой-гвоздиком, чтобы проткнуть презерватив, но я успеваю перехватить ее руку.

— Подумай хорошо. Почему ты считаешь, что если забеременеешь, это как-то подтолкнет Артура к следующему шагу?

Юля глядит на меня как на идиотку.

— Это же логично, Влада. Я забеременею, Артур должен будет на мне жениться.

Теперь я смотрю на Юлю как на идиотку.

— Да неужели? А если он скажет: «Твой ребенок — твои проблемы»? И свалит в закат, кинув твой номер в чс? Такой вариант ты не рассматриваешь?

Я просто в шоке от наивности Юли. Я бы даже посмеялась, не будь она моей лучшей подругой. Ну как можно быть такой беспечной? С чего Юля вообще взяла, что Артур сразу побежит за кольцом, как только она покажет ему две полоски на тесте?

— Артур не такой!

Вот тут я не выдерживаю и начинаю хохотать в голос. Да так громко, что на меня оглядываются другие посетительницы женского туалета.

— Почему ты смеешься?

Я смахиваю слезинки с уголков глаз.

— Да потому что все они не такие, Юль. Вот только почему-то миллионы женщин по всей стране выбивают из мужиков алименты. А так они, конечно же, не такие.

Юля воспринимает мои слова как личное оскорбление.

— Да что Артур тебе сделал? Ты постоянно плохо о нем говоришь.

— Я не говорю о нем плохо.

— Нет, ты все время говоришь о нем плохо, — настаивает. — Хотя Артур вообще ничего тебе не сделал. И к твоему сведению: он очень хорошо к тебе относится и никогда ничего плохого в твой адрес не говорит!

Слова о том, что Артур относится ко мне «очень хорошо» слегка выбивают меня из колеи. Не то чтобы я думаю, что Артур относится ко мне плохо. Просто я думала, что он вообще никак ко мне не относится. В моем представлении я для Градова что-то вроде предмета мебели: ну стоит в углу и пускай стоит.

— Я тоже нормально отношусь к Артуру. Но давай посмотрим правде в глаза: вы всего полгода вместе. Это очень мало. И если бы он хотел с тобой следующего шага, то уже бы сделал его. Я понимаю, тебе обидно, что он не предлагает съехаться, не предлагает жениться. Но раз не предлагает, значит, есть на то веская причина.

Юля мотает головой. Посетительницы туалета продолжают с любопытством на нас поглядывать. Юля стоит в одной руке с моей серьгой, а во второй с презервативом. Это странно выглядит со стороны. Но Юле по фиг. Она вообще никого и ничего не замечает.

— Влада, ты не понимаешь.

Вздыхнув, скрещиваю руки на груди.

— Что я не понимаю?

— Я такого, как Артур, больше не встречу. Посмотри на парней вокруг. Да одни мудаки. Среди них нормальных-то нет. Они или жадные, или страшные, или тупые, или мамкины

сыночки-корзиночки. Таких, как Артур, один на миллион. И надо быть полной дурой, чтобы упустить такого.

— Ты не права, — категорично заявляю. — Много нормальных парней. Просто ты заиклились на одном.

— Да что ты говоришь! — в голосе Юли появляется знакомое ехидство. Сейчас начнет что-то припоминать мне. — Ну и почему же у тебя нет парня, если среди них много нормальных? — выгибает аккуратно выщипанную и окрашенную в темно-коричневый бровь.

Так я и знала, что Юля начнет переводить стрелки на меня.

— Да при чем тут я? Мне просто никто не нравится.

— Так потому тебе никто и не нравится, что кругом одни идиоты. Хочешь сказать, тот Дима, который повел тебя в кафе и обозначил официантке, что вы будете пить только чай, — нормальный?

О том Диме мне даже вспоминать не хочется. Я познакомилась с ним в прошлом феврале на дне рождения своей одноклассницы. Мы сразу прониклись симпатией друг к другу. Сначала долго общались, потом Дима пригласил меня на танец. Когда празднование в ресторане подошло к концу, он попросил у меня номер телефона. Я с радостью дала. Дима написал мне на следующий день и предложил погулять. Я согласилась.

Мы встретились в пять вечера после моих и его занятий в институте. Сначала долго гуляли по Тверскому бульвару, а потом я сама, сильно замерзнув, предложила зайти в какое-нибудь кафе. Меня удивило, что Дима не хотел идти в кафе. Он не отказал прямо, но было видно, что он не в восторге от моей идеи. А это был февраль, морозы были сильные. В итоге, видя, что я уже дрожу, мы зашли в какое-то заведение. Когда мы сели за столик и официантка принесла нам меню, Дима, не открывая его, заявил:

— Мы будем пить только чай, можете унести меню.

Я несколько секунд шокировано моргала глазами, пока до меня не дошло: Дима не хочет за меня платить. Ну или у него нет денег. Я не знаю, в чем была причина. Умом я понимаю: разные ситуации в жизни бывают, и, возможно, Дима переживал финансовые трудности, но мне стало крайне неприятно. Я выпила кружку чая и уехала домой. Когда Дима пригласил меня на второе свидание, я проигнорировала его предложение.

— Может быть, у Димы были финансовые трудности, и он не мог оплатить нам ужин из трех блюд, — предпринимаю вялую попытку оправдать его. — Разные ситуации в жизни возможны. Не у всех же родители депутаты, как у твоего Артура.

Юля хитро прищуривает голубые глаза.

— А тот Сережа, который повел тебя в «Макдональдс» и взял тебе только кофе, а себе набрал полный поднос еды и ел перед тобой, даже не угостив своей картошкой?

Хуже свидания с Димой было только свидание с Сережей. Это был сентябрь прошлого года. Погода стояла теплая. Мы долго гуляли и разговаривали о разном. Спустя пару часов прогулки, Сережа предложил зайти во «Вкусно — и точка». Я к тому моменту изрядно проголодалась, поэтому согласилась. В заведении было много людей, мы с трудом отыскивали свободный столик.

— Иди садись, займи место, — сказал мне Сережа. — Что тебе взять? Кофе?

Я на секунду растерялась и просто кивнула. Сережа ушел делать заказ, а я села за столик. Через двадцать минут он пришел с полным подносом. Передо мной поставил капучино, а поднос придвинул к себе и начал есть. У него был большой бургер, картошка, нагетсы и мороженое. Мне он свою еду не предложил. Я пила кофе, смотрела, как Сережа ест, и не понимала: это я идиотка, что не перечислила ему по пунктам, что мне купить, или он жадный? Так или иначе это было наше первое и последнее свидание.

— Ну, я тогда сама сказала Сереже взять мне только кофе, — снова пытаюсь оправдать бывшего ухажера.

Юля ухмыляется.

— А тот Антон, который пригласил тебя в кино, и купил билет только себе?

Хуже свидания с Димой и Сережей может быть только свидание с Антоном. Мы познакомились в ВК в какой-то студенческой группе. Сначала долго переписывались, потом он предложил мне сходить в кино. Я согласилась. Мы встретились возле входа в кинотеатр, подошли к кассам. Антон сказал, на какой фильм и на какой ряд нам нужны билеты, кассир назвала сумму, и тут дернул меня черт за язык ляпнуть:

— Я за себя сама заплачу.

Я сказала это ради приличия. Просто я разволновалась. А Антон взял и не отказался. Протянул кассиру деньги только за свой билет.

— Я сама предложила Антону заплатить за себя, — опять защищаю горе-ухажера.

— Да они все такие, Влада. Они все жадные, мелочные, эгоистичные и обидчивые, как бабы. Нормальных парней просто нет. Они вымерли. А те, что еще остались, занесены в Красную книгу. Артур как раз из Красной книги. И я не собираюсь его упускать. Я такого, как он, больше не найду.

— Дело только в деньгах?

Артур, конечно, баснословно богат, но Юля вроде бы влюбилась в него не за деньги. Но сейчас подруга почему-то сводит все именно к ним.

— Боже, конечно, нет! Я встречаюсь с Артуром не потому что у его родителей есть свой самолет. Дело не в его деньгах, а в том, какой он сам. Он нормальный, Влада, понимаешь? Он в первую очередь НОРМАЛЬНЫЙ, — Юля делает на этом слове слишком сильный акцент. — Даже если у Артура будут в кармане последние пятьсот рублей, он на эти пятьсот рублей купит еды девушке, а не себе. Артур никогда не будет есть перед девушкой, когда она сидит голодная.

— Откуда ты знаешь? — устало спрашиваю. — У Артура никогда не было в кармане последних пятисот рублей, так что ты не можешь знать, как он поведет себя в такой ситуации. У Артура в кармане золотая карта с папиными миллионами, поэтому он такой щедрый.

— Я знаю его, Влада. Я знаю, какой у Артура характер, я знаю, какое у него воспитание. Артур не такой. Он джентльмен, понимаешь? Артур никогда не будет сидеть в автобусе, если девушка перед ним стоит на ногах. Он встанет и уступит ей место.

Я снова закатываю глаза. У нас разговор слепого с глухим.

— Да откуда ты знаешь, как Артур поведет себя в автобусе, если он на автобусе ни разу в жизни не ездил?

Юля машет на меня рукой с зажатым в ней презервативом.

— Думай, что хочешь. Я больше не собираюсь тебя переубеждать. Я знаю, что Артур никогда не бросит беременную от него девушку.

Юля прокалывает презерватив. Остервенело тыкает в него моей сережкой, игнорируя взгляды других девушек в туалете. Затем она достает из пачки второй и проделывает с ним то же самое. После достает третий.

Я хочу остановить подругу. У меня есть четкое ощущение, что она совершает большую ошибку. Непоправимую ошибку. Она так уверена, что Артур женится на ней. И совсем не рассматривает другой вариант — что Артур ее бросит одну с ребенком.

Но я оцепенела, глядя, как Юля маниакально протыкает презервативы. Возражения застряли в горле. Может, сказать ей, что Артур на меня пялится? Что лапает меня глазами. Абсолютно беззастенчиво.

Но я молчу. Вместо того, чтобы остановить Юлю в шаге от непоправимой ошибки, я трусливо молчу.

Глава 7. Слишком поздно

Когда мы возвращаемся в ложу, Юля сразу набрасывается на Артура. Он сидит на диване, пьет воду со скучающим видом, вяло общается с приятелями. Подходит Юля и сразу усаживается к нему на колени, а через секунду впивается в его рот поцелуем. Кажется, Артур не ожидал такого поворота, потому что несколько мгновений бездействует и только потом начинает отвечать на страстный напор своей девушки.

Я отворачиваюсь от них. Не хочу смотреть. Иначе не выдержу, подойду и отдеру Юлю от Градова. Вот просто за волосы схвачу и стащу с его колен.

Я подхожу к стеклянному окну ложи и смотрю вниз на беснующую толпу. Люди дергаются под громкую музыку, кто-то обжимается, целуется. Толпа охвачена сумасшествием. Я кожей чувствую, насколько мне чуждо это место. Все эти клубы, тусовки — совсем не для меня. И зачем я только согласилась сюда прийти? Хотела побыть с Юлей, пообщаться с ней.

Смеюсь сама над собой.

Я замечаю движение сбоку. Машинально поворачиваю голову и вижу, как Юля ведет за собой Артура вниз по лестнице. Их пальцы сплетены в крепкий замок, словно они оба уже связаны навеки. Почему-то именно эта сцена впечатывается в мою память: его ладонь в ее ладони. Крепко. Намертво.

Я отрываю взгляд от их сплетенных рук и поднимаю его выше. Мои глаза встречаются с пронзительными голубыми глазами Градова. Сердце срывается с тросов и летит в пятки. Горло перехватывает спазмом.

Прежде, чем Артур и Юля скрываются за поворотом винтовой лестницы, я успеваю мотнуть головой и прошептать ему одними губами: «Не надо».

— Мне кажется, или ты слишком напряжена? — рядом со мной на диван садится Кира. Она протягивает мне бокал шампанского. — Все хорошо?

Юля и Артур ушли полчаса назад. Я не знаю, где Юля будет реализовывать свой план. В кабинке туалета? На заднем сиденье машины Артуры? Или они поедут в отель и сегодня больше не вернуться?

Я не понимаю, почему не могу выбросить их из головы. Я же и так знаю, что у Юли очень активная сексуальная жизнь с Градовым. Подруга любит Артура, мечтает о замужестве, поэтому реализовывает в постели все его фантазии. Юля часто делится со мной их сексуальными приключениями. Я знаю, где и в каких позах они занимались сексом. Я даже знаю, какой вкус у спермы Артура.

Поначалу мне было любопытно. Я-то еще девственница. А Юля уже нет. Когда она во всех подробностях рассказывала, как потеряла невинность с Градовым, я слушала, разинув рот. Какое-то время ее откровения об их сексе и любимых позах мне еще были любопытны.

Потом мне начало надоедать. Юлины рассказы о сексе стали вызывать только раздражение. Это было уже после возвращения из Сочи, где я впервые заметила, что Градов на меня смотрит. А когда пару недель назад Юля сообщила по телефону, что Артур предложил попробовать анальный секс, и она согласилась, я велела Юле заткнуться. Вот так и прорычала ей в трубку:

— Заткнись, меня уже тошнит слушать про твой секс с Градовым.

Юля обижалась на меня два дня.

А сейчас вместо того, чтобы расслабиться, пить шампанское и пойти танцевать, я представляю, как они занимаются сексом, и чувствую у себя в груди настоящую бурю.

— Мне здесь не нравится, — говорю Кире. — Я поеду домой.

Подруга округляет глаза.

— Подожди, не уходи, — кладет ладонь мне на плечо. — Не хочешь познакомиться с Женей? — кивает на него головой.

Женя. Он показался мне симпатичным. Смотрю на него. И правда симпатичный. Высокий, широкоплечий. Волосы черные, глаза карие. Полная противоположность русому и голубоглазому Артуру.

Наши с Женей взгляды встречаются, и он смотрит на меня пару секунд.

— У него есть девушка, — говорю Кире, отвернувшись от Жени.

— У него нет девушки.

— Юлия мне сказала, что Артур ей сказал, что у Жени есть девушка.

— У него нет девушки, это точно. Рома с ним дружит, я знаю.

Мне определенно требуется выпить, и я залпом осушаю бокал. С шумом ставлю его на стеклянный столик перед диваном.

— И все же я пойду. Хочу спать.

— Влада, ну подожди! — Кира предпринимает попытку остановить меня за руку, но я выставляю ладонь вперед, давая понять, что не надо.

Осторожно спускаюсь на шпильках по винтовой лестнице. С трудом пробираюсь через ревушую толпу к выходу. Меня лапают чужие руки. За спину, ноги, задницу. Меня переполняет омерзение. К ним всем.

Артур никогда меня не касался, вдруг понимаю. У нас не было ни одного физического контакта. Даже случайного, даже мимолетного. Только прикосновения взглядами. Это так странно.

Наконец-то я добираюсь до гардероба. Забираю свой плащ и выхожу на улицу. Взор сразу натывается на машину Артура через дорогу. Она тут. Припаркована на том же месте. Значит, они или в туалете, или здесь в автомобиле. Свет в салоне не горит, задние окна затонированы, поэтому ничего не видно.

Я разворачиваюсь и быстро иду по тротуару. Мне бы вызвать такси и поехать домой, но нет сил ждать машину. Хочется поскорее убежать из этого места. Апрельский холод кусает ноги, забирается под плащ. Чтобы согреться, перехожу почти на бег.

Переулки центра сменяют друг друга. В Москве много таких маленьких улочек, в которых почти не ездят машины. У меня появляется дурацкое ощущение, что за мной кто-то идет, хотя я не слышу шагов. Стук моих шпилек отдает эхом и заглушает все остальные звуки.

Страх ползет под кожей и сковывает мышцы. Я хочу обернуться назад, но шея задеревенела. Я чувствую: он сзади.

Господи Боже мой, только не хватало нарваться на маньяка.

Ну почему я не вызвала такси у клуба и не поехала домой? Зачем я поперлась ночью неизвестно куда? А теперь я не знаю, как выйти к людям. Который час вообще? Мне кажется, где-то около двух ночи. Что за странные маленькие улицы в Москве? Разве такие еще остались? Раньше я никогда по ним не ходила. Похожи на заброшенные. Здания маленькие, темные, обшарпанные. И людей никого нет. Жуть.

Громкий женский крик перекрывает звон моих шпилек. Он звучит для меня как сигнал спасения.

Люди! Где-то здесь есть люди!

Женщина снова кричит, и я сворачиваю в переулок на ее голос.

Может, мне не надо туда идти?

Но я продолжаю бежать туда, откуда только что донесся женский крик. Сворачиваю в новый переулок и резко останавливаюсь. Мне открывается картина.

В метрах пятидесяти стоят две старые черные машины с открытыми багажниками. Один мужчина держит сзади женщину, пока второй приложил к ее лицу тряпку. Несколько секунд

женщина борется и вырывается, а затем ее тело обмякает в руках того, кто ее удерживает. Затем женщину, словно мешок с мусором, грузят в багажник и закрывают его.

Я открываю рот, чтобы возмущенно закричать, но сильная мужская ладонь ложится мне на губы, а следом мое тело сжимает крепкая рука.

— Молчи, — раздается над ухом шепот... Артура.

Я не знаю, что повергло меня в больший шок: что в Москве посреди улицы похищают человека, или что рядом со мной внезапно оказался Градов. Это он всю дорогу шел позади меня?

— Влада, не кричи, — продолжает говорить мне на ухо тихо и вкрадчиво. Мужики, похитившие женщину, о чем-то между собой переговариваются. — Нам нужно срочно отсюда убраться, пока нас не заметили. Аккуратно сними с себя туфли.

Киваю в знак согласия. Артур чуть ослабляет на мне хватку. Я высовываю одну ступню из туфли, как вдруг раздается громкий мужской голос:

— А вы еще кто такие?

Я цепенею от ужаса.

Слишком поздно.

Нас заметили.

Глава 8. Беги

Из машин выходят еще двое. Их четверо. Они переглядываются между собой и надвигаются на нас. Видно, что встревожены. Лишние свидетели не входили в их планы?

Артур выпускает меня из рук и оттаскивает назад себе за спину. Я на всякий случай снимаю вторую туфлю. Интуиция подсказывает, что мне придется долго и быстро бежать. Ледяной асфальт сразу пронизывает ступни холодом. На мне только тонкие капроновые колготки.

— Тааак, — тянет один из них. — И кто вы такие?

Страх не дает вдохнуть. Я выглядываю из-за спины Градова и смотрю на этих четверых. Типичные бандиты, как в фильмах. Спортивные штаны с полосками по бокам, кожаные куртки, на лице небритость, на головах темные шапки, а в глазах полное отсутствие страха и тормозов. Они делают к нам медленные шаги. Ужас моментально скручивает меня

— Мы шли мимо, — отвечает Артур. — И сейчас пойдем дальше, куда планировали.

Градов говорит спокойно и вкрадчиво, как будто совсем не боится. В то время, как у меня поджилки трясутся.

— Боюсь, мы вас уже не сможем отпустить, — хмыкает один.

Секунда. Две. Три.

— ВЛАДА, БЕГИ!

Крик Артура рассекает воздух в тот момент, когда все четверо бросаются на нас. Артур подается вперед на них. Сам идет к ним в руки! В то время, как я стою парализованная на месте.

— ВЛАДА, БЕГИ! — повторяет он.

У меня внутри словно что-то щелкает. Тумблер какой-то. Инстинкт самосохранения называется. Я срываюсь с точки и бегу за поворот, из которого вышла пару минут назад. Асфальт на тротуаре неровный, мелкие камешки врезаются в ступни, но я не чувствую боли. Вообще ничего не чувствую, кроме животного страха. Я не знаю, что происходит с Артуром. Он остался там, с ними. Слышу только его сдавленные крики и мат отмороzków.

«Я оставила Артура там одного, а если они его убьют?».

Эта мысль заставляет меня резко остановиться. Сколько я пробежала? Метров сто. Оборачиваюсь назад. Из-за поворота выбегает один из бандитов. Бежит ровно на меня. Значит, у Артура не получилось задержать их всех, хотя я продолжаю слышать мат и стоны боли.

Мысли хаотично жужжат в голове. Он приближается.

— ПОМОГИТЕ! — кричу. — КТО-НИБУДЬ, ПОМОГИТЕ!

Прежде, чем на меня набрасывается отморозок, я успеваю заметить, как загорается свет в окне в невысоком жилом доме. Я не знаю, выглядывает ли из него кто-то, потому что бандит моментально скручивает меня. Я вырываюсь, но силы неравны. Он зажал мне рукой рот, поэтому мои крики тонут в его грубой грязной ладони. Он волочит меня по асфальту, раздирая мои ноги в кровь. Туда, где остался Артур. Где стоят две неприметные черные машины, в багажнике одной из которых лежит без сознания женщина.

Я словно попала в кошмар наяву. Адреналин шарашит по венам, бьет по голове. Он дает мне силы сопротивляться, хоть это и бессмысленно, потому что отморозок в три раза крепче и сильнее меня. Я бью его куда получается. Я борюсь. До последнего борюсь за свою жизнь.

Он выносит меня за поворот. Там остальные трое и бездыханное тело Артура с маленькой лужицей крови возле головы. Увидев Градова, я начинаю кричать еще сильнее, несмотря на то, что мои крики заглушает чужая грубая ладонь. Вырываюсь еще отчаяннее. Я срываю голосовые связки, ломаю ногти, вонзая их в руки похитителя. Они убили Артура.

ОНИ УБИЛИ АРТУРА!!!!

Эта мысль пульсирует в висках. Она стягивает горло колючей проволокой. Она вонзается мне в сердце острым клинком.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ!

Кричу я, когда ко мне подходит преступник и прикладывает к моему носу ту же тряпку, что и женщине, которая лежит в багажнике. В нос бьет резкий ранее незнакомый запах. Я не знаю, что это, но понимаю одно: нельзя это вдыхать, нельзя этим дышать. Я задерживаю дыхание.

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами.

У меня нет. У меня перед смертью проносится сцена из какого-то фильма, который я смотрела давно в детстве с родителями. Там прикладывали к лицу такую же тряпку, смоченную жидкостью. Несколько вдохов — и человек терял сознание.

Я не знаю, как в этом хаосе, панике и животном ужасе мне на секунду удастся сохранить трезвое мышление.

Я намеренно задерживаю дыхание и закрываю глаза, переставая вырываться из рук похитителя. Имитирую потерю сознания. Внутри все клоочет от леденящего душу страха, но я не двигаюсь, обмякаю в руках бандита. Когда легкие начинают гореть огнем из-за недостатка воздуха, второй отморозок убирает от моего лица тряпку. Я приоткрываю губы на пару миллиметров и делаю медленный-медленный вдох.

— Вырубилась. Грузите их в багажник, — командует кто-то из них.

— Бля, на хуя они нам? Может, прикончим обоих?

— Пускай Главный решает, что с ними делать. Может, пригодятся.

— Слишком рискованно, — отвечает кто-то третий. — Они мимо шли, хуй знает, кто такие. Вдруг их искать будут?

— Здесь слепая зона без камер, свидетелей тоже нет.

— За углом жилые дома, мог кто-то увидеть, когда я ее сюда тащил, — говорит тот, что держит меня в своих руках. — Она кричала.

— Бляяя, ну пиздааа. Запороли задание, сука!

— Да почему запороли? Если они влюбленные голубки, то Главный точно найдет им применение.

На секунду воцаряется тишина, а затем раздается громкий хохот всех четверых, больше похожий на ржач стада лошадей.

— Слушай, а точно. Предыдущие голубки-то отправились новым хозяевам.

— Даааа, жалко. Кино с ними хорошее было. Мне нравилось. Ладно, давайте их в багажник. Главный сам решит, что с ними делать.

Глава 9. Цепи

Меня волочат по асфальту. Мне едва удастся не закричать от боли, потому что асфальт до крови царапает ступни ног. Щелкает крышка багажника, и меня грубо бросают туда на что-то мягкое и твердое одновременно.

О Боже, меня бросили на ту женщину!

Похититель грубо снимает с меня сумочку на длинной цепочке, надетую через голову. Затем вытаскивает из моих ушей сережки-гвоздики и тщательно лапает ладонями мое тело, видимо, в поисках спрятанных в одежде предметов. Но карманы моего плаща пусты, а у платья их вообще нет.

Он трогает меня между ног. На случай, если я там что-то спрятала. Это длится всего несколько секунд, но меня такое омерзение охватывает, что еле сдерживаю крик и плач. Горло стягивает спазмом.

К счастью, крышка багажника захлопывается. Еще мгновение, и я бы не выдержала, закричала, чем бы выдала себя. Когда шаги бандита удаляются, я открываю глаза и делаю глубокий вдох. Рвотные позывы сразу подступают к горлу, я закашливаюсь себе в руку. Стараюсь сделать это как можно тише. В багажнике воняет какой-то помойкой. Натуральной свалкой.

Я скатываюсь с женщины в угол багажника. И вдруг понимаю: это от нее такая вонь. Господи... Она что, бомжиха? Отодвигаю ее от себя в другой конец багажника. Но не помогает, конечно. Потому что багажник очень маленький и тесный. Я лежу в позе эмбриона и касаюсь своим телом женщины.

— Бля, он сто килограмм весит, что ли, — слышу голос одного из отморожков.

Как я поняла из их разговора, Артур жив. Наверное, просто потерял сознание. От этой мысли мне значительно легче. Потому что в момент, когда я подумала, что Артура убили, на секунду я ощутила себя так, будто наступил глобальный конец света. Как будто и моей жизни больше нет, если нет Артура.

В любой другой ситуации я бы обдумала, почему у меня такая реакция на потенциальную смерть Артура Градова. Но не когда меня везут неизвестно куда в одном багажнике с женщиной, от которой воняет, как от мусорного бака. Я опускаю на лицо свои волосы и пытаюсь вдыхать их аромат. Немного помогает.

Машина едет тихо и спокойно по ровным дорогам. Часто останавливается и стоит по паре минут. Светофоры, догадываюсь. Водитель ведет автомобиль максимально аккуратно, чтобы не привлечь к себе внимания. По ощущениям аккуратное вождение с поворотами и светофорами длится долго. А затем начинается прямая дорога без единой остановки.

«Они выехали из Москвы», догадываюсь.

Я пытаюсь считать секунды. Досчитываю до шестидесяти и зажимаю один палец на руке. Прошла одна минута.

Новый отсчет до шестидесяти. Второй загнутый палец. Вторая минута.

Снова до шестидесяти...

Я не знаю, правильно ли считаю. Возможно, слишком быстро. Пальцы на руках заканчиваются. Я начинаю загигать пальцы на ногах. Мысли в голове путаются, я боюсь, что ошиблась в счете и в загнутых пальцах.

А потом так вовсе женщина со мной в багажнике начинает шевелиться и издавать нечленораздельные звуки.

— Эй, — слегка толкаю ее рукой, перестав считать. Если я считала верно, то с момента, как мы выехали из Москвы, прошло девятнадцать минут.

Женщина мычит и вздыхает.

— Эй-эй! — сильнее толкаю.

— А? — она подскакивает, но бьется головой о крышку багажника. — Ааааа, — воет от боли.

Я выжидаю, когда она придет в себя.

— Где я? — скулит. — Что происходит?

— Как вас зовут? — спрашиваю.

— Люда.

— Люда, а вы кто?

— В смысле кто?

— Вас похитили и засунули в багажник. Меня вместе с вами. Почему вас похитили?

— Я не знаю, — плачет. — Я искала себе место на ночь. Мне тут понравилось, тихо, подвал в доме открыт, тепло идет. Я примостилась на картонках, а тут эти на машинах...

— Подождите, — перебиваю. — Вы что, бездомная?

— Я приехала в Москву на заработки, но меня обманули. Документы отобрали.

Она начинает плакать и причитать.

Я обреченно прикрываю глаза. Зачем кому-то похищать бездомную женщину? Что вообще происходит? Двадцать первый век на дворе, куда смотрит полиция?

Еще через какое-то время — я уже потеряла счет — машина сбавляет скорость до минимума, а затем вовсе тормозит. Хлопают двери автомобилей, звучат мужские голоса. Багажник открывается. Я не могу удержаться от того, чтобы не сделать громкий вдох свежего воздуха.

— Обе оклемались, понятно, — говорит тот, что тащил меня по улице.

Он замахивается, и бьет меня по голове. Я моментально проваливаюсь в тьму.

Я чувствую острую пронзительную боль в голове. Она такая сильная, что невозможно терпеть ее молча. Я издаю стон.

Следующее, что я чувствую, — жажду. Во рту словно пустыня Сахара. Пить. Я ничего в жизни не хотела так сильно, как сейчас пить.

А еще я чувствую холод. Собачий холод, пронизывающий до костей. Тело начинает колотить мелкой дрожью.

Я открываю глаза. Перед ними пелена, пытаюсь ее сморгнуть. Когда зрение становится более-менее четким, вижу в темном потолке тусклую лампу. Поворачиваю голову в стороны. Какое-то непонятное помещение, похожее на подвал. Холодное и сырое. Присмотревшись к противоположной стене, вижу... Артура.

Господи, он здесь, со мной. Лежит на матрасе в двух метрах от меня.

— Артур! — зову его.

Подскакиваю на своем матрасе, хочу подбежать к Градову, но что-то тяжелое удерживает меня за ногу. Опускаю взгляд.

Цепь.

На щиколотке моей левой ноги висит толстый металлический браслет. Массивная цепь от него уходит в стену.

Что за...?

Я дергаю тяжелую цепь, но она намертво вмонтирована в стену. Меня снова простреливает животный ужас. Несмотря на холод, по позвоночнику градом течет горячий пот. Когда цепь не поддается, я пытаюсь снять с щиколотки браслет. Но это тоже оказывается невозможно.

— Бесполезно, — звучит сбоку. Я поворачиваю голову на голос. Артур сидит на матрасе, привалившись спиной к стене. На его лице засохшая кровь. Белая рубашка тоже в багряных пятнах. — Я уже пробовал. Там все намертво.

Я внимательно рассматриваю Артура и вижу, что его правая нога точно так же закована, как моя.

Сердце ухает в пятки.

Маленький подвал.

Тусклый свет.

И мы с Артуром в двух метрах друг от друга связаны цепями.

Глава 10. Холод

— Господи, что происходит? — всхлипываю. — Кто эти люди? Зачем они нас похитили? — я снова дергаю цепь на ноге, но она, ожидаемо, не поддается.

Я не могу поверить в реальность происходящего. Какой-то сюр, какой-то абсурд. Пару часов назад мы пили и отдыхали в клубе, а сейчас мы связаны цепями в подвале каких-то сумасшедших отморозков. Что они собираются с нами делать?

— Я не знаю, Влада. Надо попробовать договориться, чтобы нас отпустили за выкуп.

— Твой отец-депутат же будет тебя искать?

Артур пожимает плечами.

— Не знаю. Надеюсь, что будет.

Прозвучало как-то неуверенно. А сейчас вся надежда только на отца Артура и есть. Он же заметит, что исчез его единственный сын? Станет его разыскивать? Потому что меня-то как раз никто искать не будет. Я полная сирота. И выкуп за меня платить некому.

Я обнимаю себя за плечи и только сейчас понимаю, что на мне нет плаща. Гляжу на себя, а я только в платье. Плаща нет! Они сняли с меня плащ!

Мое и без того преступно короткое платье сейчас задралось еще выше и теперь едва прикрывает трусы. Туфель на мне нет, они остались валяться где-то в центре Москвы. Некогда телесного цвета колготки сейчас черные от уличной грязи и полностью изорваны.

Мне дурно. Я опираюсь спиной на холодную влажную стену. Запах грибка и плесени пробирается в легкие, от него начинает тошнить. Меня трясет. Я натурально дрожу всем телом, зуб на зуб не попадает.

Артур смотрит на меня обеспокоенно. Я обращаю внимание, что он тоже без куртки. И без ремня на джинсах.

— Как... же... тут... холодно... — стучу зубами.

Артур принимается расстегивать пуговицы на своей рубашке.

— Зачем ты раздеваешься?

Не отвечая на мой вопрос, снимает с себя рубашку, комкает ее и со всей силы бросает мне. Она приземляется ровно на мой матрас лейблом вверх: «Армани».

— Артур, не надо...

— Влада, надень ее, — строго говорит.

На секунду я забываю, что меня похитили отморозки, и просто впадаю в шок от поступка Градова. Он снял с себя в прямом смысле последнюю рубашку и отдал мне. А теперь Артур снимает с себя кроссовки. В следующее мгновение они приземляются рядом с моим матрасом. Артур остался в одних джинсах и черных носках.

— Влада, оденься.

Мое имя из его уст режет слух. Я не помню, обращался ли Артур ко мне раньше так прямо по имени. Но вдруг понимаю: мне нравится. Нравится, как он произносит мое имя. Как будто немножко с заботой. Или я все это себе придумала?

— А ты? — только и могу вымолвить.

— Мне не холодно.

— Да как не холодно? Тут же мороз!

— Влада, я прошу тебя, оденься, — говорит строго.

Судорожно выдыхаю. Если я брошу Артуру его вещи обратно, то через секунду они снова прилетят ко мне. Так и будем перекидываться, пока один из нас не рассчитает силы, и вещи не приземлятся посередине подвала, куда ни я, ни Артур дотянуться не сможем.

Я натягиваю на себя его рубашку. Она еще теплая после его тела. И пахнет им. Боже... Запах Артура окутывает меня. Что-то с морским бризом. Я на миг прикрываю глаза и переме-

щаюсь к любимому Черному морю. Мы с родителями ездили каждый год. Всегда в один и тот же маленький городок, в один и тот же дом с видом на пляж.

Рубашка Артура длиннее моего платья. Сейчас мне так стыдно за то, что не послушала его и не переделалась в другое. То синее, которое я думала надеть, было значительно длиннее, а еще у него были рукава почти до локтя. А это черное на мне вообще без рукавов и бретелей. Держится на одном корсете.

Я засовываю ноги в кроссовки Градова. Мой тридцать восьмой размер тонет в его сорок четвертом. Я падаю обратно на матрас и сворачиваюсь в позу эмбриона. Мне становится значительно теплее. Не знаю, может, это самовнушение, но дрожь в теле прекращается. Меня словно окутал кокон из тепла и аромата Артура Градова.

Он сидит, привалившись спиной к стене. Смотрит на меня, а я на него. Видок у меня, наверное, тот еще. Представляю, как косметика размазалась по лицу, образовав черно-розовые разводы. Но я не стесняюсь, не испытываю неловкости. Артур сейчас не кажется чужим.

У него сильное спортивное тело. Градов все детство и подростковый возраст профессионально занимался хоккеем, пока не получил травму, несовместимую со спортом. Я рассматриваю его торс с кубиками пресса и бицепсами, сильную широкую шею и поднимаюсь к лицу. Когда наши взгляды встречаются, я чувствую удар под дых. Из легких весь воздух вышибает.

Я никогда прежде не смотрела на Артура так открыто. Мне становится стыдно за эту вольность. Я отвожу взгляд в сторону.

— Как ты оказался возле меня? — спрашиваю. Мой голос больше не дрожит.

— Я шел за тобой.

По позвоночнику разбегается россыпь мурашек.

— Зачем?

— Я увидел, как ты вышла из клуба и куда-то быстро направилась. Решил пойти за тобой и узнать, что случилось.

«Ты пошел трахаться с Юлей — вот что случилось!», восклицаю мысленно.

Я ненавижу себя за эти неправильные мысли, за эти неправильные реакции моего тела и сердца в присутствии парня моей лучшей подруги. Как приказать себе? Как заставить себя не испытывать ничего подобного к Артуру?

— Почему ты не позвал меня, пока шел за мной?

— Я звал, но твои каблуки стучали на весь квартал. Ты не слышала меня.

Господи... Он звал, а я не слышала. А если бы не бежала как гонимая, то не оказалась бы сейчас в подвале, закованная цепью.

— А что с Юлей? Где она?

— Она осталась в моей машине.

— Так вы были в твоей машине?

— Да.

Так я и думала.

— Ты сказал Юле, что пойдешь меня догонять?

Артур медлит с ответом пару секунд.

— Нет. Я просто сказал ей, что мне нужно выйти. Она не видела тебя.

У меня остался последний самый важный вопрос. Я хочу знать, был ли у них секс. Потому что если да, то с высокой долей вероятности Юля может забеременеть. И если нас в этом подвале убьют, то она останется одна с ребенком на руках.

Боль за подругу разрывает мне сердце. Если бы я знала, что мы с Артуром окажемся в плену у отморожков, то ни за что не позволила бы Юле проколоть презервативы. Она имеет все шансы остаться одна без мужа и поддержки с грудным ребенком. Конечно, у Юли есть родители, они ее не бросят. Но все равно без Артура ей будет очень тяжело.

— Вы занимались в машине сексом? — спрашиваю, набравшись смелости.

— Что?

— Вы занимались в машине сексом? — повторяю вопрос чуть громче.

Артур опешил.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто ответь: да или нет.

Он молчит. Смотрит на меня и молчит. Секунда, две, три... Тишина затягивается.

И по этому молчанию я все понимаю. Это молчание — и есть ответ на мой вопрос.

У меня с грохотом разбивается сердце.

— Ты должен выбраться отсюда живым, Артур, — говорю, сглотнув ком в горле. — Что хочешь делай. Договаривайся, чтобы тебя отпустили за выкуп, что угодно. Но ты должен отсюда убраться, слышишь меня?

— Я не уйду отсюда без тебя.

— Хватит цепляться за меня! Ты уже пошел за мной ночью неизвестно куда! Теперь сидишь в подвале, закованный цепью! Договаривайся, чтобы тебя отпустили за выкуп!

— Влада, я не уйду отсюда без тебя, — Артур тоже повышает голос. — Или мы с тобой вместе тут умрем, или вместе отсюда выберемся. Третьего не дано.

Я открываю рот, чтобы возразить, но дверь в подвал щелкает.

Я подскакиваю на матрасе как ужаленная. Артур тоже напрягается, оторвавшись от стены.

К нам спускается мужчина в маске клоуна и с пистолетом в руке.

Глава 11. Голубки

Его шаги в тяжелых черных ботинках отдают эхом в пустом подвале. Несмотря на дикий страх, я внимательно всматриваюсь в мужчину. Запоминаю каждую деталь его внешности, пока он спускается к нам вниз по бетонным ступенькам.

На мужчине потертые черные джинсы и черная футболка. Одежда выглядит так, будто она очень старая, и ее сохранили лишь для грязной работы. Но привлекает внимание не это. И даже не резиновая маска клоуна с разноцветными волосами, надетая на голову. А его татуировки. Ими покрыты все открытые участки кожи: ладони, руки, шея. Какие-то непонятные узоры, иероглифы, знаки, буквы, цифры. Мужчина высокий и крепкого телосложения. Потертая футболка обтягивает мышцы на предплечьях и груди.

«Он сможет свернуть мне шею одной рукой», проносится в голове мысль, от которой мне становится еще страшнее.

Я вжимаюсь в стену и бросаю быстрый взгляд на Артура. Меня удивляет, с какой уверенностью в себе и вызовом Градов смотрит на Клоуна.

— Очухались, голубки? — голос у Клоуна какой-то гнусавый. Он начинает смеяться, и, кажется, от его мерзкого смеха вибрируют стены. По позвоночнику пробегает мороз. — У меня для вас две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

Я сглатываю и снова смотрю на Артура. Мне хочется, чтобы он посмотрел на меня в ответ. Хочется увидеть в его взгляде поддержку, прочитать банальные слова: «Не бойся! Все будет хорошо!». Но Артур смотрит на Клоуна. Причем с вызовом. Как будто совершенно не боится.

Господи, да Градов спятил. Может, это шок так на него влияет? У Артура такой вид, будто он голыми руками готов сразиться с вооруженным Клоуном.

— С хорошей, — отвечает Градов.

— Мы не планируем вас убивать.

С души падает тяжелый камень. Я громко выдыхаю, но звучит, как всхлипывание.

— А плохая какая?

— Временно не планируем.

Клоун снова громко смеется, запрокинув голову назад. Его гнусавый мерзкий смех пробивается под кожу и парализует внутренности. Горло стягивает колючей проволокой, пальцы начинают дрожать. Я снова смотрю на Артура, ища поддержки. Но он лишь спокойно и безэмоционально ждет, когда Клоун отсмеется.

— Короче так, голубки. Я сейчас коротко предскажу вам ваше будущее. — Клоун делает в воздухе круговое движение руками, как ясновидящие в фильмах над стеклянным шаром. — Вы умрете. В один день. Как настоящие влюбленные. Как Ромео и Джульетта! — театрально восклицает, приложив руку с пистолетом к сердцу.

Напряжение сковало каждую мышцу моего тела, но у меня все равно откуда-то появляются силы и отвага произнести:

— Мы не влюбленные.

Клоун медленно поворачивает шею на мой тихий сиплый голос. Почему-то мне кажется, что под разноцветной резиновой маской у него сейчас крайне удивленное лицо.

— В смысле не влюбленные? — спрашивает с претензией. Я бы даже сказала, с наездом.

— Мы просто знакомые. Мы даже не друзья.

Воцаряется гробовая тишина. Я слышу тяжелое дыхание Клоуна через маску.

— Галя, у нас отмена! — кричит он через пару секунд кому-то наверх. Дверь подвала моментально открывается, но кто там, я не вижу. — Они говорят, что не влюбленные, а просто знакомые.

Вниз по ступенькам сбегает второй Клоун точно в такой же маске, как у первого. Одет также в черную неприметную одежду. От первого Клоуна его отличает только отсутствие татуировок. По телосложению такой же — большой широкий шкаф, способный свернуть шею одной рукой.

— Что конкретно вы от нас хотите? — Артур перетягивает внимание Клоунов на себя.
— Озвучьте свои требования к нам.

Второй Клоун присвистывает.

— Да ты борзый, я смотрю. — Его голос без гнусавости, как у первого. Грубый мужской.
— «Озвучьте свои требования», — передразнивает. — Короче, судьба у вас такая: мы вас уберём и продадим на органы. Но перед этим у вас есть шанс еще немножко пожить.

Мне плохо. Я съезжаю вниз на матрасе. Мой позвоночник, мои мышцы меня не держат. Я завидую Артуру. Завидую его выдержке и смелости. Он не боится.

Или Артур слишком хороший актер? Его бесстрашие — это игра?

— Что нам нужно сделать, чтобы еще немножко пожить?

— Правильный вопрос, — хвалит второй.

— Когда к нам попадают влюбленные голубки, мы не убиваем их сразу. Мы сначала снимаем с ними кино. — Говорит первый Клоун и делает драматичную паузу. Мне кажется, там под маской он зло ухмыляется. — Кино для взрослых. Далее показываем покупателям, и они решают: интересно им или неинтересно. Сейчас у нас только один покупатель. И у него есть маленький бзик. Он хочет не просто кино для взрослых, он хочет кино для взрослых с настоящей любовью. Романтик он, понимаете? Если он верит в искренность чувств наших голубков, он готов платить деньги за кино с ними. Пока он платит, вы живете. Как только вы ему надоедаете, он перестает платить. А без его денег вы нам не нужны. Мы потрошим вас и отправляем по кусочкам вашим новым хозяевам. Но раз вы не влюбленные, а просто знакомые, то, наверное, нет смысла тратить на вас время. Что думаешь? — спрашивает у второго Клоуна.

Я зажимаю ладонью рот и всхлипываю. Без сил валюсь на матрас, согнувшись в комок. Меня сотрясают рыдания.

— Ну-ну, Джульетта, не бойся, больно не будет. — Он, видимо, ко мне обращается, но я уткнулась лицом в грязный матрас. — Мы не на живую твою печенку доставать будем. Мы же не изверги какие-то.

— Если вы и правда не влюбленные, то нам, конечно, лучше не тратить на вас свое время, — басит второй Клоун. — Сразу бы сегодня и пустили вас под нож. А затем ваши потрошки на аукцион. Но я бы все-таки снял с вами один пробный ролик. Так сказать, пилотную серию. Вдруг вы ему понравитесь, и он захочет посмотреть сериал полностью? Но вы тоже постарайтесь, включите весь свой актерский талант. Изобразите влюбленных, и тогда еще немножко поживете. Если хотите, конечно. Я даю вам право выбора: умереть сегодня и отправиться по кусочкам к своим новым хозяевам или сняться в пилоте сериала для взрослых и пожить еще немного. Решайте. Можете посоветоваться между собой, мы попозже к вам зайдем.

Глава 12. Потянуть время

Клоуны уходят. Я понимаю это по громко хлопнувшей двери подвала и поворачивающемуся в ней замку. Я продолжаю лежать без сил, уткнувшись лицом в матрас. Меня сотрясают беззвучные рыдания.

Мой выбор очевиден: умереть сегодня.

Я никогда не смогу переступить черту с Артуром. Он любимый парень моей лучшей подруги, почти моей сестры. Я никогда не поступлю так с Юлей. Даже под дулом пистолета. К тому же нас ведь все равно убьют. Какая разница, когда: сегодня или через неделю?

— Влада, — тихо зовет меня Градов.

Его голос пробирает до костей. Маленькие волоски на теле становятся дыбом.

— Влада, пожалуйста, посмотри на меня.

Я не могу.

Я не могу оторвать лицо от матраса и поднять взгляд на Градова. Мне кажется, смотреть на него — уже предательство по отношению к Юле.

Боже мой, бедная Юля. Эти отморозки совершенно точно убьют Артура. Даже не знаю, чего я сейчас хочу больше: чтобы Юля забеременела от Градова или не забеременела. Если она забеременеет, и Артура убьют, то Юля будет одна с ребенком. Но с другой стороны, так у нее останется маленькая частичка любимого.

— Влада, — снова зовет.

Я отрываю лицо от матраса, делаю глубокий вдох и ложусь на бок, подтянув под себя ноги. Смотрю не на Артура, а в сторону.

— Мне кажется, выбор очевиден, — говорит.

Сжимаю руки в кулаки. Артур не сказал, какой именно выбор, но я догадываюсь.

— Нет. Никогда.

Он вздыхает. Молчит.

— Из-за Юли? — спрашивает после паузы.

— Естественно!

— Мне кажется, сейчас тот самый момент, когда нам следует думать о себе немножко больше, чем о других.

Я не хочу его слушать. Я хочу заткнуть уши, зажмуриться и чтобы Артур Градов исчез. Но он не исчезнет. Он будет сидеть со мной в подвале напротив меня, закованный цепью, как я.

Я обнимаю себя за плечи. Провожу ладонями по его гладкой рубашке, надетой на меня. В одежде Артура я чувствую себя, как будто в его объятиях. Это ощущение одновременно сладкое и ненавистное. Оно разрывает меня изнутри.

Артур...

Его голос, его запах, исходящий от рубашки, его взгляд...

Нет. Нет. Нет.

— Нас все равно убьют и продадут на органы, — произношу уверенно. — Какая разница, когда? Днем раньше, днем позже. Я за то, чтобы это случилось раньше. Я не хочу сидеть в этом подвале в цепях.

— Нет, — категорично заявляет. — У нас есть шанс спастись, и для этого мы должны потянуть время.

Последнее заявление Артура все-таки заставляет меня посмотреть на него.

— Спасти? — издаю саркастичный смешок. — Ты серьезно?

— Абсолютно. Нас будут искать. У моего отца есть связи. Он поднимет на уши всю Москву, всю страну. И чем дольше мы потянем время, тем больше шансов, что нас найдут.

А если мы умрем сегодня, то нас точно уже никто не найдет. Даже наши останки не найдут, потому что их продадут.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. Обычный бетонный потолок с одной тусклой лампочкой. В голову лезут разные мысли. Почему-то вспоминаются новости, которые я не так давно читала.

Первая новость — про то, что в Санкт-Петербурге задержали патологоанатома одной из больниц за то, что он изымал органы у тел бомжей и умерших пациентов без родственников, а потом продавал их частным фирмам. Помню, прочитав, я ужаснулась. Меня передернуло от брезгливости. И я подумала: «Совсем ничего святого нет». А следующая мысль — ну вот умер бомж. Его уже не реанимировать, не вернуть. Но его почка может спасти кому-то жизнь. Где эта тонкая грань между преступлением и спасением жизни?

А вторая новость — в России ежегодно пропадают двести тысяч человек. Тридцать тысяч из них никогда не находят. Несмотря на наличие интернета, сотовой и спутниковой связи, а также камер видеонаблюдения, тридцать тысяч человек ежегодно пропадают без вести. Их не находят ни живыми, ни мертвыми.

Слезы не перестают вытекать из уголков глаз. Я стану той, кто пропадет без вести. У меня даже могилы не будет. Но зато моя смерть спасет чью-то жизнь. Много жизней. Сколько у человека органов, которые можно пересадить? Кажется, сейчас даже сердце научились пересаживать.

Накрываю лицо ладонями и всхлипываю. Вдруг вспоминаю бездомную Люду, которую везли со мной в багажнике. Вот, значит, зачем им была нужна бомжиха. Чтобы убить ее и продать на органы. Потому что бомжиху без документов, да еще из другого города или даже страны, никто не будет искать.

В памяти всплывает диалог похитителей, когда я притворилась без сознания:

— Бля, на хуя они нам? Может, прикончим обоих?

— Пускай Главный решает, что с ними делать. Может, пригодятся.

— Слишком рискованно. Они мимо шли, хуй знает, кто такие. Вдруг их искать будут?

— Здесь слепая зона без камер, свидетелей тоже нет.

— За углом жилые дома, мог кто-то увидеть, когда я ее сюда тащил. Она кричала.

— Бляяя, ну пиздааа. Запороли задание, сука!

— Да почему запороли? Если они влюбленные голубки, то Главный точно найдет им применение.

— Слушай, а точно. Предыдущие голубки-то отправились новым хозяевам.

— Даааа, жалко. Кино с ними хорошее было. Мне нравилось. Ладно, давайте их в багажник. Главный сам решит, что с ними делать.

Теперь у меня выстраивается логическая цепочка.

— Они похищают бомжей, чтобы продавать их на органы, — зачем-то говорю Артуру. — Та женщина, которую они похитили на наших глазах, была бездомной. Я ехала с ней в багажнике, она мне рассказала. Обычных людей типа нас они не похищают, потому что боятся, что их будут искать. Но, видимо, иногда все-таки обычных тоже берут, чтобы снимать с ними порно и продавать. Один из Клоунов же сказал, что много покупателей, только сейчас у них один. Правда, мне непонятно, зачем покупать нелегальное порно, если его навалом бесплатно в интернете.

— Извращенцев много. Хрен знает, что у них в головах.

Мы снова замолкаем. Не знаю, зачем мне вся эта информация, до которой я додумалась. Она не поможет мне спастись.

— Они спустились к нам в масках, — вдруг говорит Артур.

Поворачиваю к нему голову. Градов сидит в той же расслабленной позе, привалившись спиной к стене.

— Ну да. И что?

— Значит, не хотят, чтобы мы видели их лица.

— И?

Я пока не понимаю, к чему Артур клонит.

— Зачем им скрывать от нас свои лица, если мы все равно сто процентов умрем?

— Не знаю.

— Значит, они допускают, что мы можем отсюда выбраться, поэтому боятся засветить перед нами свои физиономии.

— Но те, что нас похитили, были без масок.

— Потому что человек в маске клоуна в центре Москвы привлечет к себе слишком много внимания.

Я молчу, замороженно глядя на Артура.

— Они допускают шанс того, что мы можем отсюда выбраться. Пускай мизерный, но такой шанс есть. Поэтому они боятся показывать свои лица.

Адреналин выбрасывается в кровь. Дыхание сбивается. Артур смотрит мне в глаза и проносит с нажимом:

— Нас будут искать, Влада. Поэтому мы должны потянуть время.

Глава 13. Желтая карточка

Повторно один из Клоунов приходит, наверное, через час. Это тот второй без татуировок. Должно быть, он у них главный или типа того, догадываюсь.

На протяжении часа ожидания мы с Артуром больше не разговаривали. Я отвернулась от Градова к стене и лежала с закрытыми глазами. Не спала, конечно. Как тут уснуть? Хотя время, наверное, очень позднее. Или уже утро? Я ушла из клуба где-то в районе двух часов ночи. А который сейчас час — даже не представляю.

Мы с Артуром ни о чем не договорились и не приняли никакого решения. Вернее, он-то принял. Артур намерен тянуть время для того, чтобы нас нашли. Тянуть время тем самым способом, который озвучили Клоуны. Я даже представить, даже вообразить себе это не могу.

Я никогда себе не прощу. Юля никогда мне не простит.

Но что, если это единственный способ, чтобы Артур выжил и вернулся к ней? А если Юля забеременеет, то к ней и к ребенку. Если есть только одна вот такая извращенная возможность выжить и вернуться к Юле, разве она не поймет и не простит?

— Ну что, Голубки? — грубоватый голос Клоуна звучит с насмешкой. — Что надумали? Отправляетесь сейчас под нож или хотите еще немного пожить?

Я сажусь на матрасе и смотрю на Клоуна. А ведь и правда, если мы с Артуром в любом случае умрем, зачем им прятать от нас свои лица? Неужели они допускают возможность того, что мы можем спастись? А раз допускают такую возможность, значит, в их системе безопасности есть брешь?

— Мы выбрали еще немного пожить, — отвечает за нас Артур.

— И вы сделали правильный выбор! — Клоун поднимает указательный палец вверх.

Мне кажется, или он реально обрадовался нашему решению? Я отчетливо услышала в интонации Клоуна радость. Он на самом деле не хочет нас убивать? Или что?

Слишком много вопросов без ответов.

— Итак, Голубки, мы снимем с вами пробное видео. Да не трясись ты так, Джульетта, — замечает дрожь в моем теле. — Оно будет с цензом не 18+, а 16+. Мы отправим его клиенту, и если вы ему понравитесь, и он скажет, что готов платить, тогда начнём съемки сериала с вами в главных ролях. А вот сериал будет 18+. Играйте хорошо и убедительно, делайте так, чтобы ему хотелось на вас драть, как можно дольше. Тогда вы еще поживете. Если ему надоест на вас драть, нам вы будете больше не нужны. Отправитесь по кусочкам к своим новым хозяевам. Вам все понятно? Джульетта, ты слышала меня?

Сначала я мгновение не шевелюсь, пребывая в шоке от услышанного. А затем взрываюсь. Внутри словно чеку сорвало. Что мне терять, если меня все равно убьют? Какая разница, когда: сегодня или через неделю? Что мне терять, если моя жизнь теперь зависит от одного извращенца и от того, как долго ему будет хотеться драть на меня?

На меня и Артура.

— Да идите вы к черту! — кричу на весь подвал. — Вы думаете, нас никто не будет искать? Мы не бомжи, как та женщина, которую вы привезли вместе с нами. У нас есть родственники, и они будут нас искать! Вас посадят пожизненно!

В ответ на мою тираду Клоун разражается приступом смеха. От гнева я сжимаю ладони в кулаки. Боковым зрением замечаю, как Артур подает мне сигналы заткнуться, но игнорирую их.

— Знаешь, сколько тут таких, как вы, было до вас, Джульетта? — говорит Клоун, отсмеявшись. — И все точно так же нам угрожали своими родственниками: олигархами, чиновниками, ментами. Была одна, которая говорила, что у нее папа ФСБшник. Хочешь, расскажу, за сколько ушло ее сердце на аукционе? А папа ФСБшник, наверное, до сих пор ее ищет.

Он снова смеется, вгоняя меня в панику и ужас. Хохочет и хохочет. А затем резко замолкает, быстрым движением достает из кобуры пистолет и через секунду оказывается возле меня. Холодный металл оружия касается моего подбородка.

— Ты, я смотрю, очень прыткая, Джульетта, — зловеще выдыхает.

Меня парализует. Я в прямом смысле не могу пошевелиться. Клоун давит мне на подбородок пистолетом и держит палец на курке. А я настолько шокирована и в ужасе, что не могу и пикнуть.

— Эй, убери от нее пистолет! — орет сзади Артур. Он подскочил с матраса на ноги, и его цепь издала громкий лязг. — Убери от нее пистолет!

Клоун, продолжая держать у моего подбородка оружие, поворачивает голову назад.

— Убери от нее пистолет! — яростно вопит Артур, дергая со всей силы ногой, как будто это поможет ему сорвать цепь.

— Я сейчас вышибу ей мозги, Ромео. А потом тебе. Ты этого хочешь? Если нет, то заткнись и сядь послушно на свой коврик.

Артур продолжает дергать остервенело ногой. Господи, он сейчас сломает ее. Я начинаю беззвучно плакать. Слезы крупными градинами катятся по лицу.

Клоун убирает от меня пистолет, поворачивается к Артуру и вдруг стреляет. Громкий оглушительный выстрел сотрясает подвал. Сверху на голову сыплются частички бетонного потолка. Я громко кричу и накрываю голову руками, уткнувшись лицом в колени.

После выстрела воцаряется гробовая тишина, прерываемая только моим плачем и скулением. Я боюсь поднять голову, потому что если сделаю это, то увижу окровавленное бездыханное тело Артура. Я кричу себе в колени, продолжая закрываться руками. Я убита вместе с Артуром.

— Я хочу поговорить с вашим главным, — вдруг слышу спокойный, тихий, уравновешенный голос Градова.

Я перестаю рыдать, не поверив в то, что это действительно Артур говорит. Отрываю лицо от колен и сквозь пелену слез перед глазами вижу его целого и невредимого. Градов стоит на ногах на своем матрасе. Смотрит прямо на Клоуна. А рядом с ним, буквально в десяти сантиметрах от его головы зияет дыра в стене от выстрела.

Я закрываю ладонью рот, чтобы подавить новый всхлип. На этот раз от радости, что Артур жив.

— Что еще ты хочешь? — насмешливо спрашивает Клоун. — На Луну? Звездолет?

— Я требую разговора с вашим главным, — зловеще выдыхает Градов. Он аж трясется от гнева. — Немедленно.

Радость от того, что Артур жив, сменяется новой волной страха. Клоун очень зол, а Артур продолжает его провоцировать. Я быстро качаю головой, пытаюсь сказать Градову: «Не надо! Не зли его!». Но Артур игнорирует меня.

— Будете слишком выебываться, скажу, чтобы печенку вам на живую вырезали. Поняли меня, Голубки? — бросает на меня взгляд через плечо. — У вас обоих по желтой карточке. Еще один подобный финт — будет красная карточка и удаление с поля. Я ясно выразился?

Не дождавшись от нас ответов, Клоун уходит.

Глава 14. Не смотри по сторонам

Я отворачиваюсь от Артура к стене и закрываю глаза. Тело трясется, а зубы стучат. Мне надо успокоиться. Это сложно в сложившейся ситуации, но нужно хотя бы попытаться. Нервы сдают, а ни к чему хорошему это не приведет. Здравый рассудок поможет мне гораздо больше, чем спутанный.

Мы живы. Мы все еще живы. А значит, у нас есть шанс выбраться отсюда. Нужно только дожждаться, когда нас найдут. Или самим придумать выход.

Благодаря правильным мыслям мне удастся успокоить свое тело. Оно перестает дрожать, и на меня накатывает сонливость. Я балансирую на грани сна и бодрствования, когда снова щелкает замок двери. Испуганно подпрыгиваю на матрасе. Кажется, Артур тоже уснул, потому что, заняв сидячее положение, трет сонное лицо.

Это Клоун с татуировками.

— Мои милые Голубки, пришло время освежиться, — его гнусавый голос звучит бодро и задорно. — Принять душ, позавтракать. Вы должны прилично выглядеть, чтобы на вас хотелось смотреть. Всем нравится смотреть на красивую картинку. Джульетта, — обращается ко мне. — Ты же видела, какие красивые актрисы в фильмах для взрослых?

Я не отвечаю. Не хочу. Но Клоуну и не требуется мой ответ. Он словно сам с собой монолог ведет.

— И ты тоже должна быть такой же красивой, как они! А то сейчас ты выглядишь так, будто тебя с помойки подобрали, — у меня складывается ощущение, что он брезгливо кривится под маской клоуна. — Я сейчас отстегну тебя от цепи и поведу в ванную. Если попытаешься выбросить какой-нибудь фокус, расстреляю на месте. Поняла меня, Джульетта?

Я переглядываюсь с Артуром. Он встревожен.

— Куда вы ее поведете? — спрашивает у подошедшего ко мне Клоуна. Он поворачивает голову назад.

— Я же сказал: в ванную. Или ты первым хочешь? Мне все равно, кого из вас первым вести, но вроде как принято, чтобы дамы вперед.

Надо же, какие манеры.

Артур вопросительно смотрит на меня. Я читаю в его взгляде вопрос: «Ты точно хочешь?». Киваю.

Да, я очень хочу в ванную. Если в самое ближайшее время я не окажусь в ванной, то умру быстрее, чем меня пристрелит Клоун.

— Итак, Джульетта, ты поняла меня? Одно неверное действие — и твои мозги украсят стены.

— А разве вам не нужны мои мозги, чтобы продать их? Мозг еще не научились пересаживать?

— К сожалению, нет.

Клоун достает из правого кармана черных джинс массивный металлический ключ. Предостерегающе на меня посмотрев, засовывает его в железный браслет на моей щиколотке и поворачивает. Щелкает замок. Вытащив ногу из браслета, тру покрасневшую щиколотку.

Клоун не сводит с меня дуло пистолета. Конечно, я не собираюсь предпринимать попыток сбежать. Пока не собираюсь. Клоун в три раза здоровее меня, моя шея поместится у него в ладони. Он задушит меня одной рукой, и это будет для него так же легко и просто, как прихлопнуть сонную муху.

Артур внимательно наблюдает за мной и Клоуном. За каждым нашим движением. Градов готов броситься мне на защиту, если что-то пойдет не так. Как будто не помнит, что сам сидит на цепи и не уйдет дальше своего матраса.

Встав на ноги, стою пару секунд в ожидании, когда прекратится головокружение. Клоун подталкивает меня пистолетом в спину. Я делаю шаг к лестнице, но ноги выскальзывают из больших кроссовок Артура. Приходится ступать медленно и аккуратно, чтобы не потерять обувь.

Оказавшись на лестнице, мне удастся нормально рассмотреть дверь в подвал. А то с моего матраса ее плохо видно. Это огромная массивная металлическая дверь. Ее не выбить ни ногой, ни плечом, ни даже кувалдой. Я дохожу до последней ступеньки и останавливаюсь перед дверью. Клоун позади меня толкает ее вперед. Они не закрывают дверь на ключ, когда спускаются к нам.

Я оказываюсь в коридоре.

— Направо, — командует Клоун. — Будешь сильно вертеть головой по сторонам, прострелю мозги. Под ноги смотри, — из его голоса ушла задорность. Теперь он говорит строго.

Клоун боится, что я запомню путь или рассмотрю какие-то детали. Неужели действительно есть возможность отсюда спастись, раз они опасаются показывать нам свои лица и не хотят, чтобы мы рассматривали коридор?

От осознания, что есть хотя бы мизерный шанс отсюда убежать, в кровь лошадиными порциями выбрасывается адреналин. Я решаю не злить Клоуна и иду с опущенной головой. Но внимательно смотрю себе под ноги. Пол из старых деревянных досок. Он поскрипывает под весом наших тел. Я не понимаю, есть ли в коридоре окна. Мне кажется, нет. Боковое зрение не улавливает ничего похожего на окна. Свет тусклый. Это такие же слабые лампочки в потолке, как у нас в подвале. Пока непонятно, где находится помещение: на земле или под землей.

А еще по дороге в ванную не встречается ни одной двери. И не слышно ни одного голоса, как будто кроме меня и Клоуна здесь больше никого нет.

— Сюда, — командует, когда доходим до первой деревянной двери.

Я ступаю на белый кафельный пол. Теперь поднимаю голову и оглядываю ванную. Она похожа на санузел в государственном бюджетном учреждении. Старенькая светлая плитка, дешевая сантехника. Из последней здесь только унитаз и душевой поддон. Раковины нет, окон тоже. На полу возле душевого поддона стопкой лежат полотенце и одежда.

— Чего застыла? Отдельное приглашение нужно?

— Можно мне сходить в туалет? — спрашиваю робко.

— А я для чего тебя сюда привел? Иди, — указывает головой на унитаз.

— А вы выйдете за дверь?

— Конечно, нет.

Растерянно моргаю глазами.

— Но здесь же нет даже занавесок.

— Это все, что тебя волнует, когда ты находишься на волоске от смерти, Джульетта? — он пихает меня пистолетом в плечо. — Быстрее ногами шевели. Вот толчок, вот душ. Иди делай свои дела. У тебя десять минут. Одно лишнее движение — прострелю мозги. Замечу, что озираешься по сторонам в поисках чего-то — прострелю мозги. Все понятно?

Я быстро-быстро киваю.

— Не зли меня, Джульетта. Когда я злой, места всем мало.

Я подхожу к унитазу, а Клоун становится ровно передо мной и наводит на меня пистолет, опустив палец на курок.

Глава 15. То, что видеть нельзя

Не знаю, что со мной происходит, но мне становится глубоко наплевать.

Наплевать на Клоуна напротив меня с пистолетом в руках. Наплевать, что он видит меня голый. Наплевать на то, что он думает в этот момент. Меня настигает полный пофигизм.

Нет, не так.

Полный похуизм.

Потому что моя единственная главная забота сейчас — это потянуть время настолько, чтобы нас нашли. А параллельно, пока будут искать, самым попытаться найти отсюда выход. Если для этого требуется ходить в туалет перед мужиком с пистолетом, я согласна. И это меня не трогает.

Ванная без окон. Здесь только один унитаз и один душевой поддон. Я решаю не рассматривать ее пристально. Во-первых, это бессмысленно. Такое закрытое помещение не поможет отсюда выбраться. А во-вторых, не хочу злить Клоуна. Я хочу, чтобы Клоун поверил: от меня не нужно ждать подвоха. Я маленькая и слабая. Если он поверит, что я не представляю опасности, то однажды расслабится в моем присутствии. Тогда я использую это как шанс. А пока же Клоун очень напряжен и все время ждет от меня какой-то выходки.

У душевого поддона я полностью раздеваюсь. Ультра-короткое платье для похода в клуб, грязные рваные колготки, окровавленная рубашка Артура — все летит на пол. Снимать последнюю почему-то грустно. Мне нравилось ощущать ее на себе. *И чувствовать от нее запах Артура.*

Встав к Клоуну спиной, беру лейку и включаю воду. Напор очень слабый. Я делаю погорячее и поливаю себя с головы до ног. Пытаюсь хоть немного согреться. Клоун не спускает с меня взгляда, я затылком чувствую наведенное на меня дуло пистолета. Плевать. Вот что бывает, когда достигаешь такой точки отчаяния, как у меня сейчас. Плевать, что мужик с пистолетом смотрит, как ты моешься.

На краешке душевого поддона лежит кусок мыла. Обычное дешевое мыло белого цвета. Беру его и намыливаю голову. Смываю, затем снова намыливаю. После тщательно умываюсь. С лица стекает черно-розовая вода. Это смывается мой яркий макияж, который я делала для похода в клуб. Вместе с ним, кажется, вымывается вся моя прежняя жизнь. Я не знаю, выберусь ли отсюда когда-нибудь, но если это произойдет, моя жизнь совершенно точно больше не будет как прежде.

— Поторопись, — командует Клоун.

Чтобы не злить его, я ускоряюсь. Смыв с себя мыльную пену, беру новую зубную щетку, лежащую на полотенце. Вытаскиваю ее из упаковки, выдавливаю сверху пасту и тщательно чищу зубы. Выключаю воду и вешаю лейку на место. Не поворачиваясь к Клоуну лицом, беру полотенце, лежащее на полу. Оно чистое, от него пахнет стиральным порошком. Пол, кстати, тоже чистый, обращаю внимание. Неужели Клоуны его моют каждый день? Не думаю. Тогда кто? Клининг? Здесь есть уборщица?

А вот это уже интересная зацепка. Если в этом помещении есть уборщица, то знает ли она, где моет полы на самом деле?

Заматываюсь в полотенце и, повернувшись к Клоуну лицом, опускаюсь на корточки к стопке одежды на полу. Пистолет по-прежнему на меня наведен. Как он боится, однако. Меня, хрупкую слабую девушку.

Значит, есть чего бояться.

Одежда черного цвета. Новая, ну, по крайней мере чистая, но без лейблов и бирок. Чёрные хлопковые трусы, черный лифчик, черные леггинсы, черная водолазка и черные носки.

Почему все черное? Имеет ли этот цвет какой-то смысл? Клоуны, кстати, тоже в черное одеты.

Одежда по моему размеру. Снова повернувшись к Клоуну спиной, одеваюсь. Заматываю полотенцем волосы и собираюсь просунуть ноги в кроссовки Артура, как Клоун командует:

— Полотенце оставляешь здесь, обувь тоже.

— Но в подвале холодно, а у меня мокрая голова.

— Высохнет.

Тогда я еще раз хорошо промокаю волосы полотенцем и оставляю его на полу. Расчески нет, приглаживаю волосы ладонями. Когда равняюсь с Клоуном, он приказывает:

— Наклонись к полу.

Слушаюсь. Он тычет дулом пистолета мне в затылок и подталкивает вперед. Когда выходим в коридор, командует:

— Смотри ровно под ноги. Попытаешься поднять голову, вышибу мозги.

Я иду вперед, согнувшись вдвое. Клоун давит на затылок пистолетом, опуская мою голову еще ниже.

Потому что там впереди по коридору что-то, что я видеть не должна.

Когда мы вышли из подвала, он приказал повернуть направо. Я шла ровно, слегка опустив голову. По пути не встретилось ни одной двери. Сейчас Клоун заставил меня согнуться в три погибели и еще дополнительно давит на голову пистолетом, чтобы не дай Бог не подняла ее. *И не увидела что-то.*

Значит, там выход. И, возможно, еще какие-то двери. Или окна. Но совершенно точно там то, что мне видеть нельзя.

Глава 16. Твоя Джульетта

Клоун разрешает мне выпрямиться, только когда мы заходим в подвал. Он доводит меня до моего матраса и защелкивает на ноге браслет с цепью. После поворачивается к Артуру:

— Скоро приду за тобой.

Клоун уходит, и я наконец-то перевожу дыхание.

— Ты как? — сходу спрашивает меня Артур. — Все хорошо? Куда он тебя водил?

Градов и правда выглядит обеспокоенным. Оглядывает меня всю с головы до ног, ища изменения.

— Он водил меня в ванную. Пришлось все делать в его присутствии. Он не спускал с меня пистолета. Но, знаешь, мне уже плевать. Хуже чем есть, уже не будет.

— Что тебе пришлось делать в его присутствии? — не понимает.

Артур с голым торсом после того, как отдал мне свою рубашку, и я замечаю, как напрягается каждая мышца на его сильном теле.

— Всё. Ходить в туалет, мыться. Там нет занавески или какой-то двери, а выходить в коридор Клоун отказался.

Артур выглядит ошарашенным. Боже мой, мы сидим на цепи в подвале, нас грозятся убить и продать на органы, а его шокирует, что я мылась при Клоуне?

— Он... — Артур запинается. — Он к тебе приставал?

Складывается ощущение, что Градову с трудом даются слова. Я быстро мотаю головой.

— Нет. Вообще нет. Ему было плевать на меня. Он только командовал: быстрее, иди, не смотри по сторонам.

Мышцы на его груди расслабляются.

Дверь в подвал резко распаивается.

— Ромео, теперь твоя очередь, — объявляет Клоун с татуировками.

А за ним спускается второй. Он держит в руках два бумажных пакета.

— Завтрак, — поясняет, ставя один пакет передо мной, а второй перед Артуром.

Я к своему не притрагиваюсь, хотя ужасно голодна. Клоуны вдвоем останавливаются перед Артуром.

— Слушай внимательно, Ромео, — говорит гнусавый с татуировками. — Мы сейчас отстегнем тебя от цепи и поведем в ванную. Выкинешь какой-нибудь фокус — пристрелим тебя на месте и расчленим на органы. А для твоей Джульетты, — кивает головой в мою сторону, — мы найдем нового Ромео, усек?

— Да, — Артур кивает головой.

— И это касается не только похода в ванную сейчас. Задумаешь какую-нибудь выходку, сразу отправишься на органы, а твоя Джульетта будет играть любовь с другим Ромео. Ты ведь этого не хочешь, правда? Ты ведь не хочешь, чтобы в твоей Джульетте побывал чужой член?

Клоуны громко смеются, а мне резко становится плохо. «Твоя Джульетта». Как будто я девушка Артура. Как будто у Артура есть ко мне какие-то чувства. Как будто...

— Никаких фокусов не будет, — заверяет их Артур.

Глава 17. Семья

Они уводят Артура вдвоем. Как под конвоем. Оставшись одна, с минуту собираюсь с мыслями. Затем открываю бумажный пакет с едой. В нем лежит сэндвич, яблоко, банан, питьевой йогурт, вареное яйцо и маленькая бутылка воды. Я набрасываюсь на еду, как будто век не ела. Сэндвич покупной — по вкусу чувствуется. И не очень свежий. Но сейчас я рада и такому.

Я расправляюсь с завтраком за считанные минуты. Делаю несколько глотков воды и отставляю бутылку в сторону. Неизвестно, когда Клоуны дадут воду в следующий раз, лучше поэкономить. Ложусь на матрас и жду Артура.

Меня одолевает тревога за него. Вдруг что-то пойдет не так, и Клоуны убьют Градова? Они повели его в ванную вдвоем. Значит, чувствуют исходящую от Артура угрозу. Боятся, что он окажет сопротивление.

Клоуны слишком сильно нас боятся.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем открывается дверь подвала, и Клоуны заводят Артура. Тычут в него аж сразу двумя пистолетами. Я сажусь на матрасе, внимательно оглядывая Градова, ища в нем свидетельства плохого отношения. Но ничего такого нет.

Артур тоже одет во все черное: носки, спортивные штаны, водолазка. Лицо наоборот стало блее и свежее: смылась кровь и грязь.

«Какой же он красивый», проносится в голове, и я моментально пугаюсь такой мысли. А следом меня затапливает жгучий стыд. Я не имею права думать об Артуре в таком ключе.

Клоуны защелкивают браслет на его щиколотке.

— Итак, Голубки, посидите немного, скоро мы снова вас навестим.

От обещания навестить нас по телу пробегает ледяная дрожь. Клоун с татуировками подходит ко мне и заглядывает в мой бумажный пакет с едой. Я сложила туда мусор. Забирает его.

— Все хорошо? — спрашиваю Артура, когда Клоуны уходят, и замок в двери подвала поворачивается аж несколько раз.

Артур кивает головой, и я с облегчением выдыхаю. Он открывает свой пакет с едой.

— Ты не голодна? — спрашивает.

На самом деле я не наелась. Желудок все еще больно сжимается. Но если я скажу Артуру, что хочу есть, он отдаст мне свою еду. Поэтому вру:

— Нет, я не голодна.

— Точно? — придиричиво вглядывается в мое лицо.

— Да. Я на самом деле мало ем. К тому же из-за стресса вообще не хочется. Силой заставляла себя жевать.

Только после моего заверения Артур приступает к своему завтраку. Я снова ложусь на матрас и смотрю в потолок. А Юлия была права, когда говорила, что Артур джентльмен и не будет есть перед голодной девушкой.

Юля... Что она сейчас делает? Переживает ли из-за нашего с Артуром исчезновения? Заметила ли, что мы пропали вдвоем? Или она ищет только Артура?

В том, что Юлия ищет своего парня, я ни секунды не сомневаюсь. Наверное, уже развешивает листовки с его фотографией на всех столбах Москвы. Написала заявление в полицию о его исчезновении. Возможно, нашла способ связаться с родителями Градова. Подруга еще не знакома с ними. Она жаловалась, что Артур не спешит знакомить ее с отцом и матерью, хотя Юлия давно познакомила его со своими родителями.

А остальные наши друзья? Рома и Кира? Они догадались, что мы с Артуром пропали? Я ведь сказала всем, что уезжаю домой. Обреченно прикрываю веки, чувствуя, как во рту разливается привкус горечи. Моего исчезновения никто не заметит минимум дня три. Все думают, будто я поехала домой. А Юлия слишком занята поисками Артура. Возможно, на третий

день она захочет позвонить мне с рыданиями, что ее возлюбленный исчез. Но это не точно. Кира тоже не хватится меня раньше, чем дня через три-четыре.

Кто еще может меня искать? В универе не будут. Там никто за студентами не бежит. На работе если только. Послезавтра у меня смена.

— Как ты думаешь, нас ищут? — спрашиваю Артура, не глядя на него.

— Очень хочется верить, что да.

— Я сказала всем, что уезжаю домой. Меня вряд ли кто-то будет искать.

— Юля не дозвонится тебе и поймет, что ты пропала.

— Она слишком занята твоими поисками, вряд ли будет звонить мне в ближайшие дни.

— Я думаю, она позвонит тебе гораздо быстрее.

Я поворачиваю голову к Артуру. Он сидит спиной к стене и пьет воду из бутылки.

— Что именно ты сказал Юле, когда вышел из машины за мной?

Артур набирает полный рот воды и медленно глотает. У меня складывается впечатление, что намеренно тянет время.

— Что мне нужно выйти, — наконец говорит.

— И все?

— Да.

Очень странно. Пытаюсь представить, как это было. Они занимались сексом на заднем сиденье. Юля, наверно, была на седьмом небе от счастья, рассчитывая, что ее план забеременеть удался. А тут Артур внезапно заявляет: «Мне надо выйти». И выскакивает из автомобиля. Он джинсы хоть успел в машине застегнуть или делал это уже на улице?

Я снова отворачиваюсь от Артура к потолку. А он смотрит на меня. Кожей чувствую его взгляд.

— А твои родители? — спрашиваю. — Когда они заметят, что ты пропал?

— Боюсь, не скоро.

Резко поворачиваю голову обратно к Артуру.

— В смысле?

— У депутатов Госдумы в конце апреля небольшой отпуск, папа завтра, то есть уже сегодня, улетает на какой-то остров со своей двадцатилетней любовницей. А мама в Швейцарии, раньше осени не вернется.

Я тарашусь на Градова во все глаза. Аж приподнимаюсь на матрасе на локте. Сходу не могу понять, что именно шокирует меня больше всего: что Артура не будут искать родители или что у его отца молодая любовница, и Артур спокойно об этом говорит.

— Я не знала, что твои родители в разводе.

— Они не в разводе.

Я ложусь обратно на матрас. Не хочется лезть Градову в душу, но любопытство берет верх. Допустим, на протяжении отпуска на жарком острове отец Артура будет увлечен только своей любовницей. Но мама-то почему не заметит пропажу сына, пускай она и не в России?

— Ну и что с того, что твоя мама в Швейцарии? Она будет тебе звонить, не дозвонится...

— Она не будет мне звонить, — Артур резко меня перебивает. — В июле я сам должен поехать в Швейцарию ее навестить. Возможно, она заметит, что я не приехал. Но это не точно.

Я снова смотрю на Артура. Он крутит в руках полупустую бутылку воды.

— У моей мамы ментальные проблемы, — вдруг произносит, задумчиво глядя куда-то поверх моей головы. — Она находится в психиатрической больнице. У нее провалы в памяти, она не узнает людей. Вся надежда на моего отца. Но у меня с ним не очень хорошие отношения, если честно. А несколько дней назад мы сильно поругались, и я послал его на хуй. Поэтому не факт, что он станет искать меня после возвращения в Москву. По крайней мере не сразу.

Я почувствовала, как надломился голос Артура, когда он говорил о своей маме. И как в интонации появилась злость, когда перешел к части про отца.

— Извини, я влезла не в свое дело. Я не знала подробностей о твоей семье. Юля мне не рассказывала.

— Юля ничего этого не знает. Никто не знает. Ты первая, кому я рассказал.

— Теперь понятно, почему ты не знакомил ее с родителями. Просто она очень из-за этого расстраивалась.

— Я не поэтому не знакомил Юлю с родителями. Я бы не познакомил ее, даже если бы с моими родителями все было нормально.

— Почему? — удивляюсь.

— Потому что у меня с Юлей не такие серьезные отношения, чтобы знакомить ее с семьей.

Я просто в шоке от услышанного. У меня чуть ли челюсть не отвисает. Потому что Юля как раз относится к их с Артуром роману со всей серьезностью. Мечтает выйти за него замуж.

Я больше ничего не говорю Артуру. Снова отворачиваюсь к потолку. А потом к стенке. У меня резко ухудшилось настроение, хотя, казалось бы, в нашей ситуации хуже уже невозможно. Потому что нас никто не будет искать кроме Юли. А у Юли нет связей ни в правоохранительных органах, ни в каких-то спецслужбах. Она придет писать заявление в полицию, а ей скажут: «Ждите трое суток». Расклеенные по Москве листовки с фотографией Артура пользы не принесут.

Кто вообще в Москве вглядывается в лица прохожих? В городе с населением более пятнадцати миллионов человек на улице никто ни на кого не смотрит, и все думают только о себе.

Я закрываю глаза. Тело становится непослушным, ватным. Мысли путаются. Я медленно проваливаюсь в сон.

Мне снится лужайка, залитая ярким летним солнцем. Сочно-зеленая трава ласкает мои щиколотки в открытых сандалиях. На мне новое платье цвета июльского неба. Я вдыхаю свежий воздух, пропитанный ароматом летних цветов. Улыбаюсь солнцу, небу. Щурюсь от лучей, падающих на лицо.

А рядом Артур. Он в белой льняной рубашке и светлых брюках. Держит меня за руку и тоже улыбается. Мы сплели наши пальцы в крепкий замок. Его не разорвать. Я чувствую себя такой счастливой. Я никогда прежде не была такой счастливой. Ощущение огромного-огромного счастья распирает меня изнутри. Его так много, что оно не помещается в меня.

И счастье начинает из меня выходить. Платье становится мокрым. Я смотрю на себя, а в груди зияет огромная рана. Из нее по небесно-голубому платью течет кровь. *Это из меня выходит счастье.*

Хлопок.

Я резко подскакиваю. Первые несколько секунд не понимаю ни где нахожусь, ни что происходит. По ступенькам спускаются два Клоуна. Я глубоко дышу, восстанавливая в памяти все минувшие события.

— Подъем, Голубки! — бьет в ладоши тот, что с татуировками. — Пришло время изобразить на камеру любовь. Вы ведь помните, что нужно делать это убедительно? С чувством, со страстью! От этого зависит ваша жизнь! — он крутит в пальцах пистолет и громко-громко смеется.

Глава 18. Мотор

Из подвала нас выводят влево по коридору. Снова заставляют согнуться почти до пола, чтобы не видеть, что впереди. Заводят в ближайшую дверь и только тогда разрешают выпрямиться. Меня сковывает ужасом, когда я вижу перед собой настоящую съемочную площадку.

Много профессиональных видеокамер и много профессионального света, но он сейчас выключен. Все направлено на большую кровать размера king size, запра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.